

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 48

1985

Габриэль Г. МАРКЕС

Джон АПДАЙК

Алан МАРШАЛЛ

Ирвин ШОУ

Гордон УОТКИНС

Бен ХЕКТ

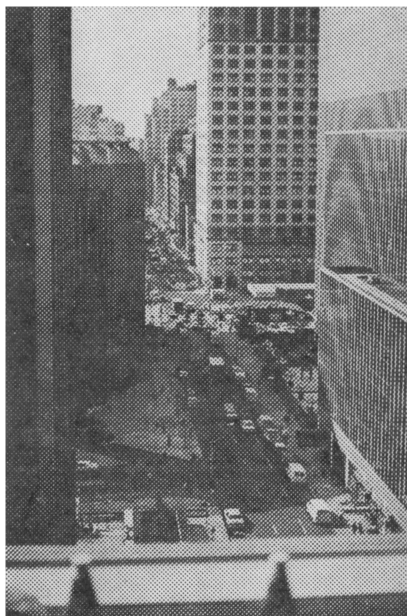
Джон ЧИВЕР

Салли БЕНСОН

Джон СМИТ

Роберт ТУОХИ

Альберто МОРАВИА

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

РАССКАЗЫ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 48

**РАССКАЗЫ
ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ**

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1985

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Габриэль Гарсиа МАРКЕС (р. 1928 г.) — популярный в Латинской Америке и за рубежом колумбийский писатель, автор романов «Недобрый час» (1962 г.), «Сто лет одиночества» (1967), «Осень патриарха» (1967), повестей и рассказов. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Гордон УОТКИНС (р. 1921 г.) — американский писатель, поднимающий в своих произведениях важные социальные проблемы современной Америки.

Джон АПДАЙК (р. 1932 г.) — американский писатель, известный советскому читателю по роману «Кентавр» (1963) и рассказам, автор повести «Ферма» (1965), иронического романа «Переворот» — о продажном мире политиков Запада.

Джон ЧИВЕР (1912—1982) — известный американский писатель, автор серии романов о семействе Уопшотов, сборников рассказов «Прощай, брат», «Ангел на мосту», которые печатались в советских изданиях.

Ирвин ШОУ (р. 1913 г.) — американский прозаик и драматург, автор остросоциальных романов «Молодые львы» (1948), «Тревожная атмосфера» (1950), «Вечер в Византии» (1973), сборников рассказов, киносценариев.

Бен ХЕКТ (р. 1893 г.) — американский писатель и драматург, автор многочисленных рассказов и юмористических скетчей, публикуемых в газетах и журналах.

Джон СМИТ (р. 1938 г.) — современный американский писатель-сатирик.

Алан МАРШАЛЛ (р. 1902 г.) — известный австралийский писатель, автор книги очерков об австралийских аборигенах («Мы такие же люди», 1948), автобиографической трилогии («Я умею прыгать через лужи», «Эта трава, что повсюду растет», «В сердце моем», 1955 — 1963), телесериала по первой части которой был показан по советскому телевидению летом 1985 г., многочисленных новелл.

Салли БЕНСОН (1900—1972) — американская писательница, автор пьес и коротких рассказов.

Роберт ТУОХИ (р. 1912 г.) — американский писатель и журналист.

Альберто МОРАВИА (р. 1907 г.) — итальянский прозаик, автор социально-психологических романов «Равнодушные» (1929), «Рим-лянка» (1947), «Скука» (1960), сборников рассказов и очерков, широко публиковавшихся в нашей печати.

ЗА ЛЮБОВЬЮ НЕИЗБЕЖНОСТЬ СМЕРТИ

Когда сенатор Онесимо Санчес встретил женщину своей жизни, до смерти ему оставалось шесть месяцев и одиннадцать дней. Он увидел эту женщину в Вицекоролевском Розовом Саду, селении, подобном двуликому Янусу; ночью оно было тайной бухтой, дававшей приют приплывающим издали кораблям контрабандистов, зато при свете дня казалось ни к чему не пригодным уголком пустыни на берегу похожего на пустыню моря, в котором нет ни севера, ни юга, ни запада, ни востока. Селение это было настолько удалено от всего на свете, что никому бы и в голову не пришло, что здесь может жить кто-то способный изменить чью бы то ни было судьбу. Казалось, что само название дано селению в насмешку, потому что единственную розу, какую здесь когда-либо видели, привез сенатор Онесимо Санчес в тот самый день, к концу которого он познакомился с Лаурой Фариной.

Избирательная кампания, которая проводилась каждые четыре года, шла как обычно. Утром прибыли фургоны с комедиантами. Потом грузовики доставили индейцев, которых наняли и возили из городка в городок, чтобы они во время предвыборных собраний изображали толпу. Около одиннадцати, под звуки музыки и треск фейерверков, прибыл министерский автомобиль цвета земляничной воды. Внутри, в кондиционированной прохладе, сидел сенатор Онесимо Санчес, какой-то неуместно безмятежный, и едва он открыл дверцу машины, как содрогнулся от дохнувшего на него зноя, рубашка из натурального шелка в одно мгновение промокла насквозь, и сенатор сразу почувствовал себя на много лет старше и таким одиноким, каким не чувствовал себя никогда. Ему только что исполнилось сорок два года, в свое время он получил в Геттингене диплом инженера-металлурга с отличием, и уже много лет он упорно, хотя и без особой для себя пользы, читал латинских классиков в плохих переводах. Женат он был на неизменно веселой и улыбающейся немке, у них было пятеро детей, и все были счастливы в его доме, и счастливее всех он сам — до тех пор, как три месяца назад ему сказали, что в ближайшее Рождество он умрет.

Пока заканчивались приготовления к собранию, сенатору удалось побыть одному и отдохнуть хотя бы час в отведенном для него доме.

Прежде чем прилечь, он поставил в свежую воду розу, которую сумел провезти живой через пустыню, потом, чтобы не есть лишний раз жареной козлятины, предстоявшей ему днем, пообедал диетической кашей, которую возил с собой повсюду, и, не дожидаясь, когда начнется боль, принял несколько обезболивающих таблеток. После этого он поставил около гамака электрический вентилятор, сбросил с себя всю одежду и улеся на пятнадцать минут в тени розы, в полудремоте собирая все силы для того, чтобы не думать о смерти. Кроме врачей, никто не знал, что он приговорен и ждет своего, заранее известного ему часа, потому что он решил нести крест этой тайны в одиночку, ничего не меняя в своей жизни, и решил так не от гордыни, а из скромности.

Ощущал себя господином всех своих способностей, когда в три часа дня появился на людях снова, отдохнувший и свежевыбритый, в брюках из грубого полотна, в пестрой, в цветах, рубашке и с успокоенной обезболивающими таблетками душой. Однако подтачивавшая его смерть была, по-видимому, гораздо коварней, чем он думал, потому что, поднявшись на трибуну, он испытал странное презрение к тем, кто добивался чести позвать ему руку, и не пожалел, как прежде, индейцев, которые стояли рядами, босые, на раскаленной почве маленькой голой площади. Властным, почти гневным взмахом руки он оборвал аплодисменты и начал говорить, не жестикулируя, устремив взгляд в изнемогающее от зноя море. Говорил он размеренно, в его глубоком голосе было что-то от неподвижной воды, однако слова, затверженные наизусть и столько раз уже им произнесенные, всплывали у него в памяти не потому, что им владело желание сказать правду, а потому, что ему хотелось возразить на одну фаталистическую сентенцию из четвертой книги воспоминаний Марка Аврелия.

— Мы в этом мире для того, чтобы победить природу, — начал он фразой, которая шла вразрез со всеми его убеждениями. — Тогда мы перестанем быть найденышами отечества, сиротами бога в царстве жажды и неприютности, изгоями в своей собственной стране. Так давайте же станем иными, дамы и господа, станем могучими и счастливыми!

Это были обычные формулы его цирка. Он говорил, а его помощники бросали в воздух пригоршни бумажных голубей, и те, оживая, делали над дощатой трибуной круги и улетали к морю. Другие помощники в это время вытаскивали из фургонов бутафорские деревья с фетровыми листьями и сажали их за спиной у толпы в грунт площади. Посадив деревья, они поставили картонный задник, на котором были нарисованы дома из красного кирпича, со стеклянными окнами, и загородили этой декорацией жалкие лагуги реальной жизни.

Чтобы дать труппе время подготовить спектакль, сенатор удлинил свою речь двумя латинскими цитатами. Он обещал дождевальные

машины, переносные инкубаторы, чудо-удобрения, от которых на солончаковой почве будут расти огурцы, а на подоконниках зацветут анютины глазки. Когда же он увидел, что нафантазированный им мир уже собран и установлен, он показал на него пальцем и прокричал:

— Вот как мы будем жить, дамы и господа! Смотрите, вот как мы будем жить!

Все обернулись. За нарисованными домами плыл трансокеанский лайнер из цветной бумаги, и был он выше самого высокого из домов города на заднике. Один только сенатор заметил, что картонный городок, из-за того, что его возили с места на место и много раз собирали и разбирали, уже пострадал изрядно от непогоды и теперь стал почти таким же бедным, пыльным и печальным, как Вицекоролевский Розовый Сад.

Впервые за двенадцать лет Нельсон Фарина не пошел приветствовать сенатора. Речь он слушал сквозь слепополуденную дремоту, лежа в своем гамаке под сплетенным из свежих веток навесом у домика из необструганных досок, который сам же и построил своими руками аптекаря, теми же, что разрезали на куски первую его жену. В Вицекоролевском Розовом Саду он впервые появился на лодке, груженной невинными длиннохвостыми погугаями ара, и вместе с ним в ней была красивая и склонная к сквернословию негритянка, которую, бежав с кайенской каторги, он встретил в Парамарибо и которая родила ему дочь. Довольно скоро эта женщина умерла, но естественной смертью, не такой, как другая, та, чье изрубленное тело послужило удобрением для грядок цветной капусты на ее же собственном огороде; нет, негритянку погребли целой на местном кладбище, увековечив таблицей ее голландское имя. От нее дочь унаследовала пышные формы и цвет кожи, а от отца — глаза, золотистые и словно изумленные; и у Нельсона Фарина были основания считать, что у него в доме растет самая красивая женщина на свете.

Познакомившись еще в первую избирательную кампанию с сенатором Онесимо Санчесом, Нельсон Фарина попросил того помочь ему обзавестись фальшивым удостоверением личности, которое позволило бы ему жить спокойно. Сенатор вежливо, но твердо ему отказал. Нельсон Фарина не сложил оружия и несколько лет подряд, в каждый новый приезд сенатора, находил повод обратиться к нему со своей просьбой. Однако ответ он всегда получал один и тот же. Так что на этот раз он решил остаться в гамаке, обреченный гнить заживо в этом пышущем зноем месте, которое когда-то было прибежищем корсаров. Услыдав аплодисменты, раздавшиеся после окончания речи, он приподнялся, вытянул шею и увидел поверх забора оборотную сторону представления: косые подпорки зданий, арматуру деревьев, служителей, которые, оставаясь недоступными глазу толпы,

двигали трансокеанский лайнер. Вся накопившаяся злость выплеснулась из Нельсона Фарины.

— Merde, — сказал он, — c'est le Blacaman de la politique¹.

После выступления сенатор, как обычно, совершил под музыку оркестра и вспышки пиротехнических ракет прогулку по улицам, во время которой жители селения, окружив его, докучали ему рассказами о своих невзгодах. Сенатор доброжелательно выслушивал каждого и всегда находил способ утешить, не беря на себя при этом никаких трудновыполнимых обязательств. Одной женщине, взбравшейся со своими шестью малолетними детьми на крышу дома, удалось перекричать шум толпы и взрывы петард.

— Я совсем мало прошу, сенатор, — кричала она, — мне нужен только осел, возить воду из Пруда Висельника!

Сенатор посмотрел на шестерых грязных и худых малышей.

— Что случилось с твоим мужем? — спросил он ее.

— Отправился искать счастья на остров Аруба, — ответила добродушно женщина, — а встретил иностранку, из тех, что вставляют себе в зубы алмазы.

Толпа встретила ее ответ взрывом хохота.

— Хорошо, — сказал сенатор, — осел у тебя будет.

И скоро один из его помощников привел в дом женщины вьючного ослы, на боках которого несмываемой краской был написан избирательный лозунг, дабы никто не забыл, что этот осел подарен сенатором.

За время своей недолгой прогулки сенатор оказывал небольшие знаки своего доброго расположения и другим жителям городка, а кроме того, собственноручно дал ложку лекарства больному, который, чтобы посмотреть, как пройдет сенатор, велел вынести себя на кровати на улицу. Огибая последний угол, сенатор сквозь щели в заборе патио увидел Нельсона Фарину, лежащего в гамаке; Нельсон Фарина показался ему пепельно серым и печальным, однако сенатор — хоть и без особой радости — его приветствовал:

— Как поживаете?

Тот повернулся к сенатору и утопил его в янтаре своих грустных глаз.

— Moi, vous savez², — ответил он.

Услышав разговор, в патио вышла его дочь. На ней был старенький халат, голову украшали разноцветные банты, а лицо было намазано кремом от загара, но даже видя ее такой, можно было предположить, что красивее нет никого на свете. У сенатора даже дыхание перехватило.

---

¹ Здесь (фр.): «Черт поberi, да он настоящий фокусник в делах политики!» — Прим. перев.

² «Я? Сами знаете» (фр.) — Прим. перев.

— Черт возьми, — изумленно выдохнул он, — надо же было, чтобы бог такое создал!

Тем же вечером Нельсон Фарина велел дочери надеть на себя лучшее, что у нее было, и послал ее к сенатору. Двое охранников с винтовками, разморенные жарой и клюющие носом в предоставленном гостю доме, приказали ей сесть на единственный стул в передней и ждать.

Сенатор заседал в соседней комнате вместе с самыми влиятельными жителями Вицекоролевского Розового Сада, приглашенными, чтобы он мог напрямик сказать им о тех истинах, о которых в своих выступлениях он не говорил ни слова. Эти люди были столь похожи на тех, кто всегда присутствовал на таких заседаниях во всех городках пустыни, что сенатору казалось, будто каждый вечер происходит одно и то же заседание, и оно ему уже давно осточертело. Рубашка на сенаторе пропиталась потом, и теперь он пытался высушить ее на себе струей горячего воздуха от электрического вентилятора, назойливо жужжавшего в сонном оцепенении комнаты.

— Мы с вами, разумеется, бумажных птичек не едим, — говорил сенатор. — И вы и я знаем, что с того дня, как в этом отхожем месте появятся цветы и деревья, а в прудах вместо головастиков заведутся карпы, ни вам, ни мне делать здесь будет нечего. Вы меня понимаете?

Все молчали. Пока сенатор говорил, он оторвал листок от календаря и сложил из него бумажную бабочку. Просто так, машинально, он бросил ее в струю воздуха от вентилятора, и бабочка, описав круг, выпорхнула в приоткрытую дверь. Сенатор продолжал говорить с самообладанием, на какое не был бы способен, не вступи он в тайный сговор со смертью.

— В таком случае, — сказал он, — мне не нужно повторять то, что вы и сами прекрасно знаете: в моем переизбрании вы заинтересованы больше меня, потому что я гнилой водой и индейским потом сыт по горло, а вы, наоборот, этим живете.

Когда бумажная бабочка вылетела в переднюю, Лаура Фарина сразу ее увидела. Увидела она одна, потому что охранники спали сидя, обхватив руками винтовки, на своих скамейках со спинками. Огромная бабочка с литографиями на крыльях сделала несколько кругов, потом лист бумаги развернулся и прилип к стене. Лаура Фарина попробовала оторвать его ногтями. Один из охранников, разбуженный звуком аплодисментов, раздавшихся в соседней комнате, сказал, что попытка ее напрасна.

— Не оторвешь, — пробормотал он сквозь сон, — потому что она нарисована на стене.

Лаура Фарина снова уселась на стул, и как раз в это время начали выходить заседавшие. Сенатор, держась за ручку двери, стоял в дверном проеме и видел Лауру Фарину, только когда передняя опустела.

— Что ты здесь делаешь?

— C'est de la part de mon pere¹,— ответила она.

Сенатор понял. Он пристально посмотрел на спящего охранника, потом на Лауру Фарину, чья немислимая красота торжествовала победу над его болью, и подумал, что за него все уже решила смерть.

— Входи,— сказал он ей.

Лаура Фарина остановилась, словно зачарованная, в дверях: по комнате, порхая, как вылетевшая к ней бабочка, летали тысячи банковских билетов. Но он выключил вентилятор, и банкноты, уже ничем не поддерживаемые в воздухе, стали опускаться на пол и на все вещи в комнате.

— Видишь,— улыбнулся сенатор,— даже дерьмо летает.

Лаура Фарина чувствовала себя сейчас школьницей. У нее была гладкая тугая кожа, того же цвета и той же солнечной плотности, что и сырая нефть, и волосы ее были, как грива молодой кобылицы, а от огромных глаз исходило сияние ярче света. Сенатор проследил за лучом ее взгляда и в конце его увидел страдающую от селитры розу.

— Это роза,— сказал сенатор.

— Я знаю,— отозвалась она чуть смущенно,— я такие видела в Риоаче.

Сенатор сел на походную кровать и, продолжая говорить о розах, начал расстегивать свою рубашку. На боку, там, где, предполагал он, у него находится сердце, была корсарская татуировка: сердце, пронзенное стрелой. Он швырнул влажную рубашку на пол и попросил Лауру Фарину, чтобы та ему помогла снять ботинки.

Она стала перед кроватью на колени. Сенатор смотрел на нее, раздумывая, и в то время, как она возилась со шнурками, задал себе вопрос, для кого из них двоих встреча эта обернется бедой.

— Ты же совсем ребенок,— сказал он.

— Вовсе нет,— возразила она.— В апреле мне исполнится девятнадцать.

Сенатор заинтересовался:

— Какого числа?

— Одиннадцатого,— ответила она.

Настроение у сенатора поднялось.

— Мы оба Тельцы,— сказал он.

И добавил улыбаясь:

— Это знак одиночества.

Лаура Фарина не обратила внимания, потому что не знала, что ей делать с ботинками. Сенатор же, со своей стороны, не знал, что ему делать с Лаурой Фаринной, потому что не привык к непредвиденным любовным встречам и ясно сознавал, кроме того, низкую природу сегодняшней. Только для того, чтобы выиграть время и все обдумать,

---

¹ Здесь: «Меня послал отец» (фр.) — Прим. перев.

он зажал Лауру Фарину коленями, обхватил за талию и откинулся на спину в свою походную кровать. Тогда он понял, что, кроме платья, на ней ничего нет, потому что от нее исходил густой запах дикого животного, хотя сердце ее испуганно билось, а кожа, покрытая холодным потом, стала ледяной.

— Никто нас не любит,— вздохнул он.

Лаура Фарина хотела что-то сказать, однако воздуха ей хватило только на выдох. Сенатор сам уложил ее рядом, погасил свет, и комната была теперь в тени розы. Лаура Фарина отдала себя на милость providения. Сенатор начал медленно ее поглаживать, его рука стала искать ее, почти к ней не прикасаясь, но наткнулась там, где он ожидал ее найти, на что-то железное.

— Что у тебя здесь?

— Замок,— ответила она.

— Какое идиотство! — воскликнул разъяренный сенатор, а потом спросил о том, что и так уже знал: — А ключ у кого?

— Прислала Фарина облегченно вздохнула.

— У папы,— ответила она.— Он велел передать вам, чтобы вы послали за ключом нарочного и чтобы у того было с собой письменное обязательство от вас уладить папино дело.

Все в сенаторе напряглось.

— Французишко проклятый! — пробормотал он возмущенно.

Потом он закрыл глаза и в наступившей полной темноте встретился с самим собой. «Помни,— вспомнилось ему,— и ты и любой другой очень скоро умрете, и вскоре после этого даже имени не останется от вас». Он подождал, чтобы унялась дрожь, и спросил:

— Скажи, что обо мне говорят?

— Истинную правду?

— Истинную правду.

— Хорошо,— ответила, осмелев, Лаура Фарина.— Говорят, что вы хуже других, потому что не такой, как все.

Сенатор ничем не выразил своего отношения к сказанному. Он долго молчал, не открывая глаз, а когда открыл, вид у него был такой, будто он только что вернулся из самых тайных глубин своей души.

— Черт с ним,— заговорил он,— скажи своему подлому отцу, что я улажу его дело.

— Если хотите, я схожу за ключом сама,— предложила Лаура Фарина.

Сенатор остановил ее.

— Забудь о ключе,— сказал он,— и поспи со мной немножко. Хорошо, чтобы кто-нибудь с тобой был, когда ты одинок.

Тогда она, не отрывая глаз от розы, положила его голову к себе на плечо. Сенатор обнял ее за талию, спрятал лицо в пахнущей диким животным подмышке и позволил ужасу взять над собою верх. Через

шесть месяцев и одиннадцать дней ему предстояло умереть в этой же самой позе, опозоренному и всеми отвергнутому из-за общественного скандала, связанного с именем Лауры Фарины, рыдающему от ярости из-за того, что в эту минуту ее около него нет.

Гордон УОТКИНС

ДЕНЬ СВАДЬБЫ

Остановившись перед зеркалом в туалете, он осмотрел волосы, галстук, воротник рубашки, платок в нагрудном кармане и складки брюк. Освежился еще раз одеколоном — настоящий джентльмен! — и взял расческу и щетку.

Несколько парней из их авиаполка все еще отирались у его койки. Им, видно, просто не терпелось отпустить парочку острог на прощанье. «Наконец-то старый холостяк попался на удочку!» «Ну, не красавчик ли, а?» «Благоухает, как парижская...» «Х-ха, скорее как сержант Уинклер из канцелярии шестой эскадрильи». Он терпеливо улыбался. Ему и раньше, когда весть о его предстоящей женитьбе на Элейн разнеслась по полку, приходилось терпеть подобное от всяких циников и остряков. Старину Дэна окрутили. Что ж, он чертовски рад, что Элейн окрутила его. Ему и сейчас не страшно. Говорили, что он сбежит к черту на рога, но уж если ему и хотелось куда бежать, так это в ее объятия. Он еще раз осмотрел упакованный накануне чемодан, принадлежности туалета и портативный бар — подарок товарищей. У него было предостаточно времени, чтобы проехать 75 миль от базы до той маленькой церквушки. Но ему хотелось явиться туда загодя. Кто знает, может — после вчерашнего мальчишника — Кену, прилетевшему из Вашингтона, чтобы быть его шафером, нужно будет помочь одеться.

Вот кто доказал, что он друг. Взять и полететь куда-то уже само по себе что-то да значит, но полететь в Миссисипи!..

Он улыбнулся насмешкам и шуткам. Расход воды на мытье был ограничен, но его машина сияла — ребята утром постарались. Денек что надо — и он женится на девушке своей мечты. Он похлопал себя по карманам — проверить, не забыл ли чего.

Бесшумно заработал мотор. Он открыл ящик для перчаток и положил туда часть своих денег. Другая, такая же, была в чемодане, а остальные — в бумажнике. За пять лет военной жизни, дешевых ресторанчиков, драк и борделей он научился прятать деньги, рассовывая их по разным местам. Теперь с этим покончено. Элейн — та девушка, какую он искал, и других у него больше никогда не будет.

Когда он выезжал через западные ворота, дежурный, старый сержант, пожелал ему удачи. Подумать только — старик знает о его

планах и даже заговорил об этом. Он тепло улыбнулся и отъехал.

Он прожил здесь полтора года, работая на важном объекте, но каждый раз, когда приходилось покидать базу и отправляться через штат Миссисипи, его мороз по коже подирал. Интересно, неужели ребята смыли грязь, которой он намеренно заляпал свой нью-йоркский номерной знак? Ну, сегодня-то ничего не случится. Он безропотно уплатит любой штраф, только бы его не задерживали. Когда-нибудь все изменится. Должно измениться. Он надеялся, что все это произойдет быстро и без лишних ненужных жертв.

Ему даже выпить нельзя было с ребятами перед отъездом — он потягивал только имбирный лимонад. Но ехать ему два часа, и до самой церкви нет ни одного приличного несегрегированного туалета. Впрочем, сегодня об этом можно и не думать — зачем портить себе праздничное настроение? Он поставил ограничитель на пять миль ниже самой малой скорости, дозволенной на этом отрезке пути. Ни малейшего повода для красношеих полицейских штата, которые старались подловить проезжающих летчиков, придраться к чему-нибудь.

Что она сейчас делает? Завтракает в последний раз со своими? Или снимает бигуди? После сегодняшнего дня ему уже не придется гадать. Она станет его женой. Они поселятся в одной квартирке на базе, и, когда бы она ни проснулась, он всегда будет рядом.

Пыль поднималась с потрескавшегося от солнца полотна дороги и оседала на ветровом стекле. Пришлось поднять стекла.

Нужно еще раз проделать мысленно весь свадебный обряд — на всякий случай,— вдруг он разнервничается или от счастья потеряет способность думать. Кольца и разрешение на брак у Кена. Элейн настояла на том, чтобы венчание было с кольцами. Если она должна носить его кольцо, пусть и он носит.

Пожалее ли кто из его прежних девушек, что он женился? «Интересно, отважится ли еще кто-нибудь проделать весь этот путь из-за моей свадьбы? Вот бы из родни кто нагринул!» Впрочем, с ними была бы только лишняя морока — они совсем не привыкли к нравам глубокого Юга. Много ли надо, чтобы его братишку вывел из себя какой-нибудь велеречивый фанатик?

С проселочной дороги на шоссе выехала машина. Номерного знака на ней не было, и он вздохнул с облегчением. Его удаче нужно было продержаться всего 50 миль.

Что бы такое сказать ей сегодня вечером? Не в первый раз они лягут вместе в постель, но он знал, что сегодня все будет по другому. Он будет чутким и внимательным и постарается, чтобы им обоим было хорошо. Он снова улыбнулся, вспомнив, какой у него вид в шелковой пижаме и коротком кимоно. У него уже в кармане ключи от комнаты в новом мотеле для цветных — всего в десяти милях от места, где они устраивают свадьбу. В комнате пахло свежестью и чистотой. Он знал,

она понравится Элейн. Во внутреннем дворике есть ледничок, а у него в сумке шампанское.

Ужасно мило с их стороны — такой подарок. К тому же они еще и чек ему преподнесли. Он даже не думал, что ребята так его полюбили.

Машина без номерного знака по-прежнему плелась сзади. Он прибавил газу — посмотреть, сделает ли она то же самое. Да, сделала. Тогда он сбавил скорость, чтобы она могла обогнать его. В ней всего один человек, это хорошо. «Что ж, пока он меня не трогает, я уж, конечно, его не трону». К ним пристроилась еще одна машина, и он снова сбавил скорость и махнул им, чтобы проезжали. Обгонять, однако, они не хотели. Ему стало не по себе, но что поделаешь. Не хотят, значит, обгонять. Он приближался к одному из придорожных кинотеатров, в которых кино смотрят, не выходя из автомашин, и подумал о том, что можно бы заехать, пусть те двое обгонят его. Он снова сбавил скорость и уже стал сворачивать, но служащий замахал руками, указывая на вывеску: «Въезд для цветных 200 футов по ходу». Расстроенный, он вывернул машину и поехал дальше, все еще впереди тех двух. «Гм! Я вроде меняюсь. Не успел еще жениться, а уже готов сделать что угодно, лишь бы ни во что не ввязываться. Ну нет! Первый и последний раз! Элейн выйдет замуж за того же человека, который ухаживал за ней. Пошли они к чертям!» Он убавил скорость, чтобы плавнее взять крутой поворот. Одна из машин, чуть не задев его, прошла вперед. Он резко затормозил — машина перед ним внезапно остановилась, и ее занесло. Он сумел удержаться всего в нескольких футах от заднего бампера. Какое-то мгновение он сидел без движения, стараясь успокоиться, и слушал, как вокруг него хлопают дверцы.

В окошке появилась злая, толстая, загорелая морда.

— Вылазь, негр.

Он взглянул на эту морду и до боли сжал челюсти, чтобы не плюнуть в нее.

От задней машины подошли трое белых. У одного была в руках короткая дубинка.

— Покажи-ка права, мальчик, — сказал толстомордый.

«Мальчик! Мальчик! Мальчик!» И когда он только станет взрослым? Для таких, как эти, — никогда. Для них он всегда будет «мальчик», «дядюшка», а то и того хуже.

— Пошевеливайся, черномазый, — крикнул один из трех, стоявших сзади.

На них он не смотрел. Он следил за толстым.

Тот засмеялся, точно обрадовался, что подошедшие с ним заодно. Отвернув полу пиджака, он похлопал по рукоятке револьвера.

— Я наделен правами шерифа в этом округе, мальчик. Ты влип.

— Дай ему, шериф, — прохрипел один из трех подошедших. — Он из этих нью-йоркских черномазых. Пытается, наверное, поднять бучу с голосованием или что-нибудь такое.

- Из Нью-Йорка?
- Надо его проучить.
- А разделся-то!

Дэн знал, что его ждет, и понимал, что выбора у него нет. Его удача вся вышла. Можно дать себя избить в надежде, что не покалечат и не изуродуют на всю жизнь. Или драться и постараться добраться до церкви и спрятать машину.

Он схватил руку, державшую дубинку, и хрястнул чужим локтем о крыло машины. Кто-то дал ему пинка. Он упал, перевернулся и обхватил чьи-то толстые ноги.

Потом услышал чей-то стон и почувствовал пыль на зубах. Дэн отпустил ноги, и тут кто-то дал ему скользящим прямо в висок. Удар вышел слабый. Дэн сильно двинул ногой назад. Кто-то выругался, а он ткнул кулаком в какой-то неясный предмет.

Щелкнул курок — и, повернувшись, он увидел толстую, загорелую злую морду. Глаза ясные и страшные. «Что ж, я сделал все, что мог», — подумал он и поднял руки.

Он увидел молнию и услышал гром. «О боже мой», — только и успело пронестись в его сознании.

Джон АПДАЙК

АЛЛИГАТОРЫ

Джоан Эдисон приехала из Мэриленда и пришла к ним в пятый класс в марте. У нее было тонкое лицо с каким-то усталым, точно у взрослой, выражением и длинные, как у куклы, черные ресницы. Все сразу же ее возненавидели. Классная наставница — мисс Фритц читала им в тот месяц про Эмму, одну очень скверную девочку, которая постоянно наговаривала отцу с матерью на свою родную сестру Энни, причем они с ней были близнецы; и надо же так случиться, вряд ли в это кто поверит, что именно в тот момент, когда их презрение к Эмме достигло апогея, Джоан впервые пришла в класс: в нарядном платье, с распущенными, спадающими сзади на пушистый свитер волосами, а не подстриженными или заплетенными в косы, и укоренившейся привычкой вступать в спор с учителями.

— Простите, пожалуйста, — даже не вставая с места, заявила она учительнице на первом же уроке, — но я не понимаю, какой толк от этих домашних заданий. У нас в Балтиморе никогда их не было, и, несмотря на это, там даже маленькие дети и те знали больше, чем написано во всех этих книжках.

Чарли — а он всегда с удовольствием делал домашние задания — был готов присоединиться к общему сердитому вою. Между бровей

мисс Фритц показались мелкие морщины обиды, и ему стало жаль ее; он тут же вспомнил, как еще в начале года она сидела за столом и, закрыв лицо руками, плакала, когда Джон Эберли чуть ли не нарочно пролил красные чернила на новенький, недавно отполированный пол в классе. Она боялась школьного совета.

— Ты теперь не в Балтиморе, Джоан,— сказала она,— ты в Олджере, в Пенсильвании.

Ребята, а вместе с ними и Чарли, захохотали, тогда как Джоан вспыхнула мягким румянцем и, подняв голос против этой волны всеобщей неприязни, погубила себя окончательно попыткой объяснить:

— Так вот, там вместо того, чтобы читать о растениях по книжке, мы однажды нарвали полные руки цветов, принесли их в класс и, разрезав на части, рассматривали в микроскоп.

По мере того, как она говорила, расплывчатые очертания широких листьев и беспорядочно изрезанных неведомых цветов сделали еще более смутным и неясным их и без того неясное представление о ней.

Мисс Фритц сжала свои покрашенные губы в тонкую нитку, затем улыбнулась и сказала:

— В старших классах тебе разрешат сделать это и в нашей школе. Всею свое время, дорогая, наберись только терпения.

Когда же Джоан принялась спорить, учительница сказала с подчеркнутой строгостью, которую взрослые всегда держат про запас:

— Ну, все, больше ни слова, мадемуазель, или вы будете иметь серьезные неприятности со мной.

Из сказанного класс понял, что учительница также невзлюбила новенькую.

После этого Джоан и рта не могла раскрыть на уроках без того, чтобы на нее тут же не обрушился всеобщий вой и рев. На школьном дворе, на спортивной площадке во время перемен или уроков физкультуры, а также по утрам до начала занятий вряд ли кто говорил ей что-либо другое, кроме слов: «задавка», «Эмма» или «Дора, Дора-помидора из самого Балтимора». Мальчики подбегали к ней и дергали сзади за беззащитный бант изящного платья или обстреливали жеваной бумагой ее спадающие локонами волосы, а раз Джон Эберли даже отрезал у нее клочок волос желтыми пластмассовыми ножницами, которые он стащил на уроке рукоделия. Вот тогда-то Чарли и увидел, как она плачет, плачет настоящими слезами. Чарли был несколько не лучше остальных мальчиков, даже, пожалуй, хуже: те делали все искренне, а он же — в расчете завоевать себе популярность.

В первом и втором классе он был добрым и отзывчивым мальчиком, но с тех пор изменился к худшему и вот почему. В классе подобралась компания ребят, мальчишек и девчонок, которая собиралась по субботам (в понедельник вы слышали их разговоры об этом) в гараже

их одноклассника Стюарта Морисона. Они устраивали всякого рода экскурсии, походы, играли в бейсбол, зимой катались на санках по Нагорной улице, весной гоняли на велосипедах по всему Олинджеру и делали массу еще других вещей, о которых Чарли даже представления не имел. Он знал вожakov этой компании еще с детского сада. Однако с тех пор, как он начал учиться в школе, ему ничего не оставалось делать после уроков, как торопливо идти домой, готовить уроки, а потом сидеть и перебирать свою коллекцию марок стран Центральной Америки или ходить в одиночку в кино, смотреть ковбойские фильмы. Так было в будни. А по воскресным дням вообще нечего было делать, разве только играть до одурения в шарики или шахматы с Даррилом Джонсом или Мервином Авербахом, с которыми он вообще не стал бы связываться, не живи они прямо по соседству: они были моложе его чуть ли не на целый год и не очень развиты к тому же. Чарли надеялся, что ребята из морисоновского гаража заметят его и примут в свою компанию, если он сам, без особых приглашений, станет им во всем потакать.

На уроке естествознания, проходившем в 5-м «А» классе в кабинете миссис Бробст на противоположной стороне коридора, он уселся перед партой Джоан и досаждал ей всем, чем только мог, хотя прекрасно понимал, что делить им, собственно, нечего: в классе не любили их обоих. Чарли уже успел установить, что Джоан не такая уж способная: ее отметки были всегда на балл ниже, чем у него.

— Видно, резка цветов мало тебе помогла, — съязвил он. — Впрочем, в Балтиморе ты училась так давно, что за свой солидный век успела все забыть.

Потом он принялся ее рисовать. В своем блокноте, который ей хорошо был виден из-за его спины, он время от времени наносил штрихи на картину, названную им «Балда Джоан». Он набросал профиль девочки с тонким носом, жеманно поджатыми губами печально опущенного рта и длинными ресницами потупленных глаз, ресницами настолько черными, насколько это ему удалось нарисовать простым карандашом. Волосы на портрете нелепыми завитками спадали вниз к краю блокнота, где обрывались бледно голубые штрихи линованной бумаги.

Март незаметно обернулся весной. Появилась первая примета весны: на школьный стадион, еще когда на бейсбольных площадках стояла грязь по колено, а беговые дорожки были забиты буйно проросшей зеленой травой, пришел Хэппи Ласкер со своей новенькой мастерски сделанной моделью самолета: на крыльях — американские звезды, в кабине сидит игрушечный летчик. Модель была с настоящим бензиновым моторчиком. То затихающий, то вновь нарастающий рев самолета, продолжавшийся все утро в субботу, собрал мальчишек чуть ли не со всего города, начиная со Второй улицы и кончая Лайноуком.

Конец этого был как всегда одинаков: Хэппи подбрасывал в воздух модель. Она, оглушительно воя, взлетала в небо, а затем, клюнув носом, падала, загоревшись, куда-нибудь в траву или грязь. Отец Хэппи был человек состоятельный.

Постепенно, неделя за неделей с того дня, как она впервые появилась в классе, Джоан, чтобы не выделяться особо среди остальных девочек, стала одеваться скромнее и проще, а однажды пришла в класс коротко постриженная, с гладко зачесанными волосами, забранными сзади в две небольшие косички. «Ой, плешка-головешка!» — закричала какая-то дураха, когда Джоан вошла в раздевалку, и эти глупые слова склонялись все утро.

— Плешка-орешка из Балтимешка! Что старая плешь покраснела? — дразнил ее Джон Эберли, изображая пальцами ножницы и издавая ртом сочный режущий звук.

Никогда так над ней не издевались, как на этот раз.

Мисс Фритц стучала костяшками пальцев по подоконнику так, что руки заболели. В конце концов она послала двух мальчиков за директором школы. Чарли пришел в восторг, когда именно ему выпала честь привести директора в класс.

Сам он отнесся к этой стрижке довольно равнодушно, однако желание дорисовать ее портрет у него пропало. Он забросил даже другие рисунки, хотя любил доводить раз начатое дело до конца: будь то создание комиксов или коллекционирование коста-риканских марок.

Джоан сидела от него через несколько парт с красным от смущения лицом, притихшая, боясь шевельнуть даже пальцем. Новая прическа открыла ее высокий лоб, слегка вытянула подбородок, удлинит шею, глаза ее стали большими, еще более красивыми. Чарли благодарил судьбу за то, что родился мальчиком, и ему не нужно испытывать таких потрясений, как потеря красивых локонов. Сколько девочкам приходится страдать — эта мысль впервые пришла ему в голову. Карикатура на нее была верхом совершенства, творением гения. Он показал ее сидящему сзади Стюарту Морисону, но было бы удивительно, если бы тот мог оценить ее по достоинству. Его сонные глаза скользнули по рисунку, и только. Чарли перевел рисунок на другой лист бумаги, сделав Джоан на портрете совершенно лысой. За этот рисунок Стюарт ухватился чуть ли не обеими руками и пустил его по классу.

* * *

В эту ночь Чарли увидел сон. Он, должно быть, приснился ему под утро, настолько свежи были впечатления, когда он проснулся. А снилось ему, будто они с Джоан находятся где-то в джунглях. Джоан в рваной набедренной повязке плывет по широкой реке, полной

аллигаторов. Почему-то сверху, словно с дерева, он видел, как на пути девочки расстилается водная гладь, а в воде снуют взад-вперед зеленые аллигаторы. Их легко было разглядеть сквозь прозрачную как стекло поверхность воды. Он видел, как по лицу Джоан пробегают выражение ужаса и отчаяния. Ее длинные волосы волочатся сзади и рассыпаются по плечам всякий раз, когда она поднимает голову. От жалости и горя ему хотелось закричать, но голос пропал. И тут он ее спасает. Он несет ее, не ощущая холода воды, на своих плечах, его ноги прочно стоят на твердой шишковатой спине аллигатора: он скользит по воде точно пловец в короткометражной картине, катающийся на длинной доске по гребню волны, скользит сквозь тени высоких деревьев, белых цветов и свисающих лиан. Кажется, они направились к небольшому, нависшему дугой над рекой деревянному мосту. Он не понимал, как ему удалось поднырнуть под мост и как река превратилась в кровать, на которой он спал, а джунгли — в детскую комнату. Однако несмотря на происшедшую смену картин, в сердце его продолжало жить и петь, словно струна рояля при отжатой педали, чувство сладкой боли и гордости, которое он испытал, спасая девочку во сне.

Он полюбил Джоан.

Утро было дождливое, и свое открытие он сделал, шагая под зонтиком, взятым у матери; он вновь и вновь повторял про себя эту мысль, неизведанное чувство обволакивало его словно клубы дыма. Любовь не имела вкуса, но она обострила его обоняние так, что он прямо-таки чувствовал, как пахнут и прорезиненный плащ, и тапочки, и красный кустарник, свисающий с невысоких барьеров, ограждающих газоны на Гранд-стрит. Даже грязь и мох в трещинах асфальта — все имело для него свой особый запах. Он бы рассмеялся, если бы не сидевшая в нем чопорная важность, которая, как палка, подпирала ему гортань. Он не представлял себя смеющимся. Казалось, он достиг одного из тех состояний, которое так старалась вызвать в нем учительница воскресной школы, бедная мисс Вест с ее маленькими усиками, темневшими над верхней губой. Он шел и молился: «Боже, даруй мне Джоан».

Пасмурная погода на все наложила свой мрачный отпечаток: оранжевый автобус, вывернувшийся на перекрестке, птицы, рассеянные на телефонных проводах, и те, казалось, пребывают в мрачном унынии. Лишь он один, несмотря на погоду, чувствовал себя легко и уверенно, тонко и остро воспринимая все вокруг. Так канавы он обязательно перескакивал с лета, на бугры взбирался бегом. Если он вынесет и спасет ее от жестокости других, то наплевать ему будет на ту морисоновскую компанию — он сам соберет другую, собственную. Вначале только Джоан и он, потом к ним примкнут другие, и так будет

продолжаться до тех пор, пока его компания не станет такой большой, что в гараже Стюарта Морисона никого не останется. Чарли задается королем, капитаном команды, и все будут приходить к нему на поклон.

Придя в школу, он первым долгом сообщил ребятам, что с сегодняшнего дня любит Джоан Эдисон. Но это их почему-то заинтересовало намного меньше, чем он ожидал, помня, как ее ненавидели все. Он-то рассчитывал, что ему придется пустить в ход свои кулаки. Лишь немногие удосужились выслушать его рассказ о сне, который он собирался поведать каждому. Так или иначе, но по классу в этот день разнеслось, что он любит Джоан, и хотя это было как раз то, что ему требовалось, чтобы проложить дорогу к сердцу Джоан, тем не менее он чувствовал себя не совсем в своей тарелке, заикался и мямлил, когда мисс Фритц вызывала его к доске отвечать. На большой перемене он нарочно зашел в универмаг и стоял там, ожидая до тех пор, пока не увидел, как Джоан прошла мимо. Он знал, что идущая вместе с ней некрасивая девочка свернет в ближайший переулок. Подождав некоторое время, он вышел из магазина и бросился бежать, чтобы догнать Джоан как раз посреди квартала, где другой девочки уже не будет. Дождь кончился, и его закрытый зонтик напоминал карабин солдата-командоса. Нагнав ее, он закричал: бух, бух!..

Она обернулась, и под ее пристальным взглядом он, понимая, что она уже знает о его любви, покраснел и потупился.

— А, Чарли! — донесся до него ее удивленный голос с мягким мэрилендским акцентом. — Что ты здесь делаешь, на этой стороне улицы?

На мостовой перед их школой всегда стоял Карл-полицейский, который обычно провозжал школьников через дорогу, на другую сторону Гранд-стрит, где жил Чарли. Теперь же Чарли предстояло пересечь улицу самостоятельно, притом на самом опасном месте — на скрещивании пяти улиц.

— Ничего не делаю, — буркнул он и добавил фразу, которую заранее подготовил: — Мне нравится твоя новая прическа.

— Благодарю, — ответила девочка и остановилась в ожидании. В Балтиморе она, видимо, брала уроки хорошего тона. Она глянула на него, и его глаза испуганно отпрянули от края ее зрачков, как от края обрыва.

И все же они стали ближе друг другу, он почувствовал себя выше, словно человек, взглянувший утром в окно и увидевший первый снег.

— Правда, мне старая тоже нравилась.

— Да...

Странный ответ. Еще более странным был загар на ее лице: он

и прежде замечал, хотя и не в такой близи, что когда она краснела, то кожа на ее лице приобретала какой-то нежно коричневый, а не розовый оттенок. Кроме того, он заметил, что от нее пахнет духами.

— А как тебе нравится наш Олинджер? — спросил он.

— Мне кажется, красивый город.

— Правда? Вот не думал. Олинджер — и красивый. Хотя все может быть. Ведь я в других городах не бывал.

К счастью, она сочла его сбивчивую речь за шутку и рассмеялась. Боясь сказать какую-нибудь глупость, он принялся крутить зонтиком, стремясь удержать его на одном пальце в вертикальном положении, и когда это ему удалось, он стал подбрасывать его с руки на руку, тыкая загнутой черной ручкой прямо в пестро-голубое рваное небо. На углу, где они распрощались, он отвел зонтик в сторону и, подражая благовопитанному джентльмену, оперся небрежно на его ручку. Ее изумление с лихвой окупило предстоящую выволочку от матери за испачканный зонт.

С этого дня он решил каждый раз провожать ее после уроков. Дома за завтраком он только и делал, что строил планы. Ему с отцом надо обязательно починить его велосипед, ему следует постричься и избавиться от этого нелепого чуба, а волосы носить на пробор. В общем, он полностью переменится, так что каждого заинтересует, что с ним случилось. Он научится плавать и будет ходить вместе с ней на плотину.

После обеда впечатления от сна слегка потускнели. Теперь, когда он не сводил с нее глаз, он заметил с противным чувством слабости в животе, что, когда их класс переходил из кабинета мисс Бробст в классную комнату, Джоан не была одинока: она шла в окружении других. На уроках она также постоянно перешептывалась с девочками. Но самой позорной, настолько позорной, что он даже представить себе не мог, как будет теперь смотреть в глаза своим родителям, явилась неожиданность, с которой он столкнулся, когда после уроков стоял и ждал ее, глядя сквозь темные витрины универмага. Он увидел, что она возвращается домой в окружении тех самых ребят — она и Стюарт Морисон, забыв о своих ссорах, шли рядом, он что-то ей показывал, а за ним, словно жирный хвост, тащился этот кретин — Джон Эберли. Чарли смотрел на них до тех пор, пока они не скрылись за высокой оградой — в утешение ему осталась лишь жалкая частица того мира, что он создал в своем воображении. Он понял: то, что он и другие принимал за ненависть, являлось на самом деле любовью; что совсем не чувство ненависти к ней, а чувство любви и восхищения руководило каждым с самого начала, и что даже последний глупец и тот понял это намного раньше его, что она была королевой класса — вот тот урок, который он извлек из этой истории.

Я ЕДУ В АЗИЮ

Был воскресный вечер, семья Таулов сидела на террасе, любуясь знакомым ландшафтом. Все были в сборе: мистер и миссис Таул, мать мистера Таула, Билл и Фредди, их сыновья, и Кэрол, невеста Билла. Старая миссис Таул уселась чуть поодаль от всех. Фредди растянулся на полу, потягивая из стакана какое-то питье. Билл сидел с Кэрол в гамаке, держа ее за руку. Портативный приемник был включен, передавали новости. У диктора от волнения срывался голос.

Когда новости окончились и оркестр заиграл танцевальную музыку, Фредди выключил приемник.

— Благодарите свою счастливую звезду, что у вас нет капиталовложений за границей,— сказала старая миссис Таул. Потом, сидя в кресле, подалась вперед и спросила:

— У нас на дамбе никого нет? Кажется, я слышу чей-то голос.

Но это разбилась о берег волна от проплывшей лодки. Поняв, она рассмеялась.

— Я так давно не была у воды, плеснет волна, а мне кажется, что там кто-то говорит или ходит,— объяснила она.— Сегодня я поднялась среди ночи: почудилось, будто кто-то ходит по дамбе. А это просто вода.

— Даже мутит от этих новостей,— негромко произнес Фредди и приложил руку к животу.

— Знаете,— объявила Кэрол,— когда я состарюсь, то стану нарядно одеваться. По моему, возраст — прекрасное оправдание для нарядной одежды.

— Нам придется до конца дней носить военную форму,— сказал Фредди.

— Жаль, что здесь нет Элен Хьюз,— вздохнула старая миссис Таул.

— Кого, мама?

— Элен Хьюз.

— Но ведь она умерла. И уже давно.

— Да, знаю, но жаль, что ее здесь нет. Она так любила этот горный ландшафт; ей казалось, что Адирондак прекраснее любого места Европы.

— Гораздо безопаснее, черт возьми, любого места Европы,— сказал Фредди.

От воды отражался свет. Игра света на воде и на горах восхищала их. Они были горожанами до мозга костей, и дача казалась им некой умиротворяющей и искусной имитацией прошлого.

— Я еду в Азию, — нарушила молчание Кэрол, — и беру с собой ванну.

— Я еду в Азию, — сказал Билл, — и беру анестезирующие средства.

— Что, моя очередь? — спросила миссис Таул. Она вязала большой серый носок. — Не понимаю я этой игры. Дайте подумать. Ладно, я еду в Азию и беру холодильник.

— Вам нельзя ехать в Азию, — сказала Кэрол.

— Ну вот, — сказала старая миссис Таул, когда волна от другой лодки разбилась о камни. — Звук такой, будто кто-то говорит, говорит или бродит, не так ли? Если не прислушиваться, конечно.

— Я еду в Азию и беру с собой несессер, — сказал мистер Таул.

— Антверпен, Льеж, Амьен, Бове, — вздохнул Фредди. — Я бывал там. Теперь они превратились в руины. Когда я путешествовал на велосипеде, то бывал во всех этих городах.

— А вы не хотите ехать в Азию? — спросила Кэрол у старой миссис Таул.

— Да, — ответила та. — Я хотела бы поехать в Азию. Дайте подумать. Я еду в Азию и беру с собой платье.

— Очень жаль, — сказала Кэрол, — вам нельзя ехать в Азию. Фредди?

— А что берут другие?

— Я беру ванну, Билл — анестезирующие средства, а мистер Таул — несессер.

— Я беру нож, — сказал Фредди.

— Тебе можно ехать в Азию.

— Да, Чарлз, совсем забыла сказать, — обратилась к мужу миссис Таул. — Тот чек, что ты дал мне оплатить счета, я послала в Союз говорящих на английском языке. На пряжу для носков.

— Напрасно, Луиза. Я не против скромных пожертвований, но сейчас мы не можем швыряться такими деньгами.

Он опустил руки и печально сказал:

— Однажды я выложил пятьсот долларов за порцию тушеной говядины. Было это в «Уолдорф-Астории» на сборе средств в помощь странам Ближнего Востока.

— Пойдем искупаемся? — шепнул Билл на ухо Кэрол.

Та кивнула головой, они поднялись и пошли к лодочному сараю. Гамак закачался, ржавые цепи уныло заскрипели.

— У них нет ни кофе, — сказал Фредди, — ни масла. Нет виски, нет домов. За один присест мы съедаем больше мяса, чем люди в Европе видят за полгода.

— Надеюсь, будет не слишком велик? — сказала миссис Таул, поднимая носок. — Мне все кажется, что у солдат огромные ноги, хотя, наверно, многие из них с обычными ногами, как и все.

Она умолкла, когда скрипнула, закрываясь, дверь лодочного сарая, потом негромко заговорила:

— Я так счастлива, когда вижу их вместе. Они так счастливы. Единственное, чего мне хочется, — это видеть своих сыновей в счастливом браке. Если бы только ты женился, Фредди, я больше ни о чем бы не мечтала.

Фредди неприязненно рассмеялся.

— Самое время. Самый подходящий год. Возможно, мне придется идти на войну. Меня призовут в числе первых. Не исключено, что я буду убит. Самое время жениться. Нет, благодарю.

— Ты слишком серьезно относишься к войне, Фредди.

— Это тебе сейчас так кажется.

— Тетя Энни тоже так относилась, — негромко сказала миссис Таул. — После мировой войны, когда в Турции шла эта заваруха, мы в День Благодарения пригласили ее на обед, а она чуть не запустила индейкой в вашего отца. «Индейка! — возмутилась она. — Индейка! Армяне голодают, а вы жрете индейку». Да, она...

— Что ж, не такой уж она была ненормальной, — неожиданно со злобой выкрикнул Фредди. — Не такой уж она была глупой. Она знала, что в мире не тишь да гладь. Меня просто убивает ваше удивление. Сидите тут, будто ничего не случилось. Так вот, кое-что случилось. Нашего мира больше нет. Ему конец. Во всех смыслах.

— Не говори так с матерью, Фредди, — сказал мистер Таул.

— Я не говорю ничего обидного. Я сказал ей то, что она должна знать. Жизнь уже не будет прежней. Мы порядочные люди, но теперь ей будет не до порядочности. Все кончилось, рухнуло, погибло. Ей надо понять, надо уразуметь это.

Он повернулся к ним спиной и схватился за голову.

Снизу донесся топот бегущих по дамбе ног.

— Холодно? — услышали они крик Кэрол. Ответа не последовало, и она снова повторила свой вопрос.

— Нет, не очень, — крикнул в ответ Билл. От холода его голос невольно напрягся.

— Ладно, иду, — услышали они крик Кэрол, а потом всплеск.

— Недурно, а? — крикнул Билл.

— Ничего, но ванна теплее.

— Неженка.

— Сам неженка.

— Иди сюда.

— Нет, пусти, пусти меня, Билл.

Когда Билл с Кэрол вышли из воды и пошли к лодочному сараю, на террасе были слышны их голоса.

— Вот поженимся, — сказал Билл, — и я построю тебе бассейн

с теплой водой. Большой застекленный бассейн в нашем доме в Уэчестере, в нашем большом доме в Уэчестере.

— Я хочу жить на Лонг-Айленде,— сказала Кэрол.

— О, значит, ты хочешь жить на Лонг-Айленде. И наверно, когда у нас родится сын, ты захочешь назвать его Майкл.

— Конечно, такое славное имя.

— А дочь — Евлалией.

— Разумеется.

Послышался шум возни, потом Кэрол хихикнула.

— Ну тебя, Билл. Хватит. Ох! Перестань.

Мистер Таул прихлопнул на ногу комара.

— Не понимаю, почему, если я беру платье, мне нельзя ехать в Азию,— раздраженно сказала старая миссис Таул.— Не нравится мне эта игра. Я не понимаю ее.

— В будущем году надо будет перестроить сарай,— сказала миссис Таул,— чтобы Кэрол с Биллом, когда поженятся, могли жить рядом с нами и в то же время иметь свой дом. Тейлоры свой перестроили, и теперь он гораздо лучше дома. Из камней старой стены можно будет сложить камин, на крыше установим слуховые окна. Когда нас не станет, Фредди с женой останется дом, а Кэрол с Биллом — сарай.

Она устало бросила свое вязание.

— Хочу в Азию. Там ведь нет войны. Или есть?

Ирвин ШОУ

САНТА КЛАУС

Войдя в дом, Сэм Ковен не спеша прошел в гостиную, и, не сняв ни шляпы, ни пальто, тяжело опустился в старое кресло, и стал ждать жену. На его мягком полном лице, заросшем седой щетиной, не было абсолютно никакого выражения, а телом, бесформенно осевшим на стуле, он походил на пухленького, вконец измотанного недосыпанием ребенка. Он сидел в своем еще застегнутом пальто и безо всякого интереса смотрел через двор: там его соседка готовила на скорую руку субботний ужин. Услышав, как ключ жены повернулся в замке он слегка вздохнул и снял шляпу.

— Хелло, Сэм,— сказала она, войдя в комнату и увидев его.— Ты чего сидишь в темноте?

Он потянулся и включил лампу над креслом.

— Да так,— ответил он.

— Что с тобой? — спросила жена, испытующе посмотрев на него,— в руках у нее были свертки.— Голова болит?

— Да.

— Так прими аспирин.

— Я просто хочу посидеть, Энни. Дай мне посидеть.

— Как знаешь, — сказала Энни. — У тебя болит, не у меня. — Она прошла в спальню раздеться.

Сэм сидел неподвижно, его толстые ножки как раз доставали до пола. Через двор он видел, что у соседки на ужин тунец с луком.

Раздался звонок, и Энни, повязывая на ходу передник, пошла открыть.

— Сэм! — позвала она от двери.

— Что? — откликнулся он.

— Сэм, — сказала Энни, — это счет от зеленщика. Дай немного денег. Два доллара.

На этот раз Сэм не отозвался. Он неторопливо расстегнул пальто и по-прежнему смотрел через двор на женщину с тунцом.

— Сэм! — позвала Энни. И тут же, после небольшой паузы: — Сэм!

Энни вошла в комнату.

— В чем дело? Ты оглох? Мне нужно два доллара для зеленщика. Сэм вздохнул.

— Нет у меня двух долларов, — спокойно сказал он.

— Что ты хочешь этим сказать — нет у него двух долларов?

— То, что у меня нет двух долларов.

Энни подошла и склонилась над креслом.

— Сегодня суббота, так?

Сэм кивнул, по-прежнему глядя через двор.

— По субботам ты вроде получаешь зарплату, так?

— Да, Энни. Да.

— Тогда чего же ты...

— Миссис Ковен! — крикнул рассыльный из прихожей. — Я не могу ждать весь день. Не стану же я разносить овощи ночью.

— Сэм... — начала Энни.

— Вели ему уйти, — сказал Сэм. — Как-нибудь в другой раз расплатимся.

Энни задумчиво посмотрела на него, потом тихо вышла из комнаты в коридор, рассеянно расправляя передник на своей аккуратно затянутой корсетом фигуре. Сэм встал, снял пальто, и оно упало на пол рядом с креслом. Он подошел к окну, выходящему во двор, и опустил штору. Порылся в карманах, ища сигарету, но не нашел. Когда вернулась жена, он уже снова сидел в кресле.

— Ну что ж, — сказала Энни голосом, каким бы она разговаривала со смущенным ребенком. — Теперь рассказывай. — Она уселась напротив него на кушетку. — Где твоя зарплата?

— Послушай, Энни, только не злись. Все будет хорошо. Дело в том, что...

— Не рассказывай мне сказок, Сэм. Хоть раз скажи правду, Сэм, божью правду. Так куда же девалась твоя зарплата?

Руки Сэма по-прежнему искали сигарету.

— Я ее сегодня не получил.

— Это почему же, Сэм?

— Бродский... Бродский уволил меня, — неуверенно сказал Сэм. — Ты только представь, этот сукин сын, которого я, бывало, угощал, когда рюмка стоила доллар с четвертью... Ты представь...

Энни закрыла глаза и откинулась на спинку кушетки.

— Последние четыре недели ты мне говорил, что Бродский якобы тебя любит, Сэм. Ты что-то от меня скрываешь, Сэм.

— Да нет, ничего я не скрываю, — без всякой уверенности ответил Сэм. — Чего мне врать-то?

— Расскажи мне все, Сэм.

Сэм вздохнул.

— Не было у меня никакой работы, Энни, — начал он усталым безжизненным голосом.

Энни с закрытыми глазами покачала головой.

— Боже мой, — бесстрастно сказала она, — что ж это творится в нашем доме? О, боже.

— Вот ты и узнала, Энни.

— Но ведь последние четыре субботы ты каждый раз приносил домой двадцать долларов, Сэм, как это понимать?

— Какая разница? Главное — я принес домой восемьдесят долларов. Этого достаточно.

— Признайся, Сэм. Двадцать пять лет я с тобой прожила, и ты еще ни разу ничего мне до конца не рассказывал. Расскажи хоть теперь.

— Не хочется тебя расстраивать.

— А ты расстрой, Сэм, — усмехнулась Энни. — Расстрой меня.

— Я взял эти деньги в долг. В тот понедельник утром я действительно пошел на работу. Я не лгал тебе, Энни. Бродский велел мне явиться на работу в тот понедельник утром.

— И что же случилось?

— Накануне, без гроша в кармане, заявился из Буффало племянник жены Бродского. Эта скотина Бродский. В 1926-м я сделал ему двадцать тысяч долларов.

— В тот понедельник вечером я испекла торт — отпраздновать. Ты помнишь?

— Я что, виноват, что из Буффало заявился племянник жены Бродского?

— Нет, — сказала Энни, открыв глаза и подавшись вперед, чтобы посмотреть на мужа, сидевшего в кресле с виноватым видом толстого мальчика с седыми волосами, объясняющего маме, почему он взял «четвертак» из ее кошелька. — Нет, ты не виноват. Почему же ты сразу мне не сказал?

— Не хотел тебя расстраивать. Честное слово, Энни, — с трудом сказал Сэм. — У тебя и так забот хватает, вот я и оберегаю тебя, когда могу. Поверь мне.

— Помнишь, вечером в тот понедельник ты сказал Сюзи, она может выходить за Эдди, что теперь ты сам о нас позаботишься, что ей больше не придется каждую неделю отдавать нам свою зарплату? Помнишь?

— Да,— раздраженно ответил Сэм.— Помню. Почему непременно надо напоминать мне?

— Зачем ты это сделал, Сэм?

— Сюзи — взрослая девушка, пора ей обзаводиться собственным домом.

— Мы все это знаем, Сэм. Не беспокойся, что-то, а это нам известно.

— Негоже это, чтобы она нам помогала. Когда она глядит на меня, я по ее глазам вижу, что ей хочется уйти из этого дома. Я слышал, как она плачет по ночам, когда возвращается со свиданья с Фредди.— Сэм посмотрел на свою шляпу и увидел пятна от пота.— Вот я и считаю, что ей следует выходить замуж, а мы не должны стоять на ее пути.

— Но ведь теперь, когда у тебя нет работы, Сэм,— терпеливо сказала Энни,— ей снова придется поддерживать нас, разве нет?

— Давай не будем об этом, ладно? — сказал Сэм, вставая.— Я пойду полежу.

— Разве нет, Сэм? Отвечай мне.

— Вероятно.

Энни в удивлении покачала головой.

— И однако у тебя хватило ума сказать ей, что у тебя, мол, работа, так что давай, мол, выходи замуж, а сам знал, что никакой работы у тебя нет и тебе придется зависеть от нее. Эх, Сэм, Сэм...

— Я рассчитывал, что за четыре недели найду работу.— Сэм уже ходил по комнате взад-вперед на своих коротких детских ножках.— Многие по-прежнему работают. Времена наверняка изменятся к лучшему. Рузвельт изо всех сил старается...

— Рузвельт! — горько усмехнулась Энни.— Ради бога, Сэм!

— Так что же мне делать? — с вызовом повернулся к ней Сэм.— Подскажи! Лечь и умереть?

— Кто одолжил тебе восемьдесят долларов, Сэм? Скажи мне, что это еще за дурак?

— Какая разница? — Сэм отвернулся от нее, подошел к окну, выходящему на улицу, и увидел сгущающиеся сумерки и огни, загоравшиеся теплыми точечками по всему городу.

— Где ты взял эти восемьдесят долларов?

Сэм устало сдался.

— Ладно,— сказал он от окна.— Я написал в Детройт. Альберту.

— Мой бедный брат! — сказала Энни.— И ему придется тебя поддерживать. Ты, наверно, уже должен ему тысячу долларов!

— К кому же мне еще было обратиться? — решительно спросил Сэм.— К кому? Куда еще? Кто-то же должен помочь мне.

— И тебе не стыдно просить у Альберта? Ты же ему еще ни цента не вернул.

— Верну. Дела пойдут лучше.

Энни засмеялась.

— Смейся, смейся,— упрямо сказал Сэм.— Смейся. Когда-то у меня было шестьдесят тысяч долларов в банке. Наличными.

— Когда-то Соединенные Штаты принадлежали индейцам. Ради бога, Сэм. Санта Клаус давно перестал наведываться в Бронкс.— Она посидела молча, глядя на знакомые покатые плечи мужа.— Ну,— тихонько спросила она,— и как же ты собираешься преподнести это Сюзи? В прошлую субботу они решили пожениться первого мая и поехать на две недели в Вермонт. Вот будет для нее подарочек, когда ты ей скажешь.

— Именно поэтому я и не хотел говорить ей в тот понедельник, не хотел причинять ей боль.

— А теперь еще больнее, Сэм. Неужели тебе трудно это понять?

— Я думал, что получу работу,— терпеливо ответил Сэм.— Когда Альберт прислал чек, я решил, что это хороший знак. Это вселило в меня надежду.

— Как же это ты получил письмо от Альберта, а я даже не видела? — Энни говорила с каким-то бесстрастным любопытством, как женщина, которой хочется узнать, сколько яиц кладут в бисквитный торт.

Сэм вздохнул, вспомнив долгие нудные подробности.

— Я попросил его прислать чек на отель «Дикси». У меня там один знакомый клерк. А деньги я держал в том старом чемодане, что в шкафу в коридоре.

— И каждую субботу как глава семьи ты приносил мне двадцать долларов...

— Я не хотел, чтобы ты расстраивалась, Энни. Не хотел, чтобы беспокоилась Сюзи. Я был уверен, что получу работу, Энни, поверь мне... Плохое бывало со мной и раньше,— сказал Сэм ровным голосом размышляющего человека,— но т а к о г о плохого просто не могло случиться.

— А вот случилось,— сказала Энни, разводя руками.

— А вот случилось.— Сэм сел и закрыл глаза своими пухлыми ручками.— Я бы не поверил, что люди могут жить, когда у них все так плохо. Хуже и быть и не может, Энни.

— Санта Клаус,— сказала Энни, но безо всякой насмешки.— Санта Клаус.— Потом продолжала с тем же вялым любопытством: — Каждый день, Сэм, в восемь утра ты уходил из дома как занятой человек, а возвращался обратно в шесть тридцать — каждый день. Что же ты делал весь день?

Вспоминая эти дни, Сэм даже не поднял глаз.

— Утром я ходил из конторы в контору. Их так много, этих контор,

Энни, столько людей работают. Когда-то я, бывало, заходил в эти конторы и раздавал сигары, а они вытаскивали спиртное. Во второй половине дня я обычно ходил в публичную библиотеку, садился и читал.

— Ученый. Студент. Просиживает там целыми днями.— Энни неторопливо покачала головой, и в ее глазах впервые появились слезы.— Бедный Сэм. И что же ты читал?

— Я читал все старые газеты — «Таймс», «Уорлд», старый «Америкэн» — с 1920-го до 1929-го. Мне становилось так тепло, когда я читал о былых днях, о Линдберге, о Кулидже, о Джоне Макгроу. Старые добрые времена. Я свою фотографию видел в газетах — 17 мая 1926 года в отеле «Астор» состоялся бал производителей одежды, и мы с тобой, и ты и я, сидели в первом ряду, и на мне был смокинг и соломенная шляпа. И по фотографии можно сказать, что волосы у меня тогда еще были черные. Помнишь?

— Помню.

— Мне бы умереть в 1929-м,— сказал Сэм, убирая руку от лица. Раздался звонок — два коротких резких звонка.

— Это Сюзн,— сказала Энни.— Постоянно забывает ключи.

Сэм встал.

— Пойду лягу,— сказал он, направляясь в спальню.

— Выпей таблетку аспирина, Сэм,— сказала Энни.

— Да-да, выпью.

Сэм зашел в спальню, а Энни медленно, как старуха, пошла по коридору открыть дверь Сюзн.

Бен ХЕКТ

ЧУДО ПЯТНАДЦАТИ УБИИЦ

Профессиональные совещания медиков всегда окружены ореолом некой таинственности. Можно только гадать, не вызвана ли эта таинственность, которой коллеги окружают свои собрания, стремлением скрыть от непосвященных, что им известно в своей науке, а что — нет. Ведь любой ответ на этот вопрос был бы неприятен той бессмертной морской свинке, на которой под предлогом, что ее скорее лечат, нежели эксплуатируют, испытывают всевозможные препараты, скальпели и магические заклинания.

Среди самых загадочных собраний медиков нашего поколения были совещания в Нью-Йорке группы именитых врачей, называвшейся «Клубом Икс». Раз в три месяца эти эскулапы собирались в отеле «Уолтон», в зале с видом на Ист-Ривер, где за закрытыми дверями,

подальше от глаз досужих журналистов, до зари занимались каким-то неизвестным делом.

Что там, на этих конклавах, происходило в течение двадцати лет, не знал никто, даже сам вездесущий президент Американской медицинской ассоциации, а уж о коллегах и женах членов «Клуба Икс» и говорить нечего. Умение хранить тайну высоко развито среди врачей, которые, даже когда им нечего скрывать, зачастую столь же немногословны, как какой-нибудь идущий на дело бандит.

Откуда же в таком случае известна мне история этих столь долго остававшихся тайной заседаний? Ответ прост: война. Война положила им конец, как и почти всем другим тайнам, кроме своих собственных. Мир, занявшись переоценкой ценностей, захлопнул двери перед менее значительными вещами. Девять из пятнадцати мудрецов медиков, входивших в «Клуб Икс», надели офицерские мундиры и заведуют прифронтовыми госпиталями. Другие по возрасту и состоянию здоровья остались дома, но работы у им прибавилось.

— Раз уж наше общество распалось, — сказал мне как-то за обедом доктор Алекс Хьюм, — и вряд ли когда соберется снова, я не вижу, какой смысл в том, чтобы хранить нашу тайну. Воображение у вас детское, романтическое, и история, которую я вам расскажу, возможно, вызовет у вас отвращение. Вы наверняка слыпаете из нее какую-нибудь сатанинскую сказку, а глубоко человеческую и научную сущность «Клуба Икс» упустите. Впрочем, не мне реформировать беллетристику, которая правде предпочитает сентиментальность, а Галилею — Золушку...

И все в таком роде. Остальную часть прелюдии моего всезнающего друга я опускаю. Вы, возможно, читали многочисленные труды доктора Хьюма относительно того, какие номера выкидывает порой подсознание. Если да, значит, вы хорошо знаете этого лысого титана. Если же нет, тогда вот вам мое слово: он гений. Я не знаю никого, кто был бы более искусен в умении гарцевать в дебрях солнечного сплетения, откуда, похоже, и берут начало всякая путаница и невежество в мире. Он также, если есть сомнения в его величии, обладает презрительно-самодовольной усмешкой, этим боевым кличем психолога самой высшей марки. У него круглое лицо, а губы так и застыли в гримасе недоверия и противоречия. Стоит вам однажды обнаружить, до чего же это мерзкая и гадкая тряпина — человеческая душа, как вам уже ничем не избавиться от подобного выражения лица. Как большинство работающих в потемках, мой друг без своих очков с массивными стеклами, что называется, «слепая курица». И, подобно многим ведущим психиатрам, своей фигурой с брюшком он напоминает коротышку Наполеона.

Последняя драматическая встреча членов «Клуба Икс» состоялась дождливым мартовским вечером. Пришли, несмотря на плохую погоду, все его пятнадцать членов — предстояло принять в общество

нового собрата, что придавало этому заседанию дополнительный интерес.

Подготовить неофита к дебюту поручили доктору Хьюму. И именно вслед за этим исцелителем душ человеческих и вступил доктор Сэмюэл Уорнер в святая святых «Клуба Икс».

Для гения медицины — во всяком случае, общепризнанного — доктор Уорнер был слишком молод. И избрание его членом «Клуба Икс» было самым большим признанием тех чудес, которые он творил, вооружившись хирургическими инструментами. Ведь четырнадцать старших его коллег, пригласивших его в свой круг, были ведущими специалистами в различных областях. Они были, что называется, медицинской знатью. И это вовсе не означает, что о них было широко известно обыкновенным смертным. Известность в медицинской профессии сравнима в лучшем случае с цветением весной эдельвейсов на горной вершине — они цветут, а их почти никто не видит. Война, которая предлагает свои волшебные щиты для рекламы тщеславия мелких душонок и преобразует жажду широкой известности в жертвенно-патриотический пыл, до сих пор не потревожила анонимности этих великих медиков. Они передвинули свои шатры на линию фронта и под их прикрытием заняты употреблением своих знаний на пользу раненым.

Новый собрат оказался взволнованным человеком с симпатичным лицом, в его темных глазах горел огонек напряженной умственной работы. Его широкий рот раскрылся в быстрой неопределенной улыбке — так частенько улыбаются хирурги, добивающиеся того, чтобы их внешние реакции не мешали внутренней сосредоточенности.

Обменявшись приветствиями с этими выдающимися членами клуба — а среди них была добрая половина тех живых героев, которых он боготворил, — доктор Уорнер уселся в уголке и вежливо отказался от предложенных ему хайбола, коктейля и бренди. Лицо его оставалось взволнованным, атлетическое тело напряглось на стуле, как будто он приготовился к спринту, а не к заседанию.

В девять часов доктор Уильям Тик распорядился закончить ужин и объявил пятьдесят третье заседание «Клуба Икс» открытым. Сей почтенный диагност устроился за столом в конце изысканно украшенной залы и устремил пристальный взгляд на сидевших перед ним.

Свои семьдесят пять лет доктор Тик поделил поровну между тем, что, с одной стороны, рекламировал искусство медицины, а с другой — делал все возможное, чтобы его искоренить, — таково, во всяком случае, было впечатление тысяч студентов, которые на себе испытали, что значит быть под началом этого желчного человека. Являясь профессором одного крупного медицинского колледжа на востоке страны, доктор Тик предпочитал педагогическую теорию «обучения посредством оскорбления». Было немало видных докторов, которых до

сих пор коробило, когда они вспоминали, какие оценки давал старый, артритичный, сутулый Тик с желчным взглядом их зарождающимся талантам, и которых до сих пор бросало в дрожь при одном воспоминании о его «философии медицины».

«Медицина,— доверительно сообщал доктор Тик одному поколению студентов за другим,— это благородная мечта и в то же время самое древнее выражение заблуждения и идиотизма, какое только известно человеку. Разрешение загадок Вселенной не породило столько бесплодных теорий, как проникновение в тайны человеческого тела. Когда вы мните из себя ученых, я хочу, чтобы вы постоянно помнили о том, что все, чему вы учитесь у меня сегодня, завтра, возможно, будет считаться наивным лепетом жалкой кучки аборигенов от медицины. Несмотря на все наши труды и успехи, медицинская наука по-прежнему пребывает где-то посередине между определением места, пригодного для ловли форели, и сочинениями о призраках».

«В медицинской практике есть два препятствия,— упорно твердил Тик все сорок лет своего профессорства.— Первое — это извечное шарлатанство со стороны пациента, который прямо напичкан несуществующими болезнями и воображаемыми страданиями. Второе — это элементарная неспособность человеческого разума, будь то медик или любой другой, беспристрастно наблюдать и с умом использовать полученную информацию, не позволяя собственному мудозовольству загубить все вконец, а главное, употреблять эту мудрость без всякого тщеславия».

И вот теперь, сидя за своим столом, воззрившись на собравшихся в зале «несмышленишей» и дождавшись, когда установится тишина, как в аудитории, он повернулся к застывшему в напряжении красивому доктору Уорнеру.

— Сегодня среди нас находится новый гений медицины,— заговорил он,— которого я хорошо помню еще по тем дням, когда он не был знахарем. Увеличенная щитовидная железа с признаками расстройства функции почек. Но не без таланта. Ради вашего же блага, Сэм, я расскажу вам о целях и задачах нашей организации.

— Я уже сделал это,— заметил доктор Хьюм,— причем довольно подробно все объяснил.

— Объяснения доктора Хьюма,— холодно продолжал Тик,— если они такие же, как его печатные труды, почти наверняка ошеломили вас, чтобы не сказать, сразили наповал.

— Я вполне его понимаю,— сказал доктор Уорнер.

— Как бы не так,— возразил Тик.— Вы всегда питали слабость к психиатрии, и я не раз указывал вам на это. Психиатрия — это заговор против медицины.

— Вы совершенно правы.— При этих словах доктор Хьюм лукаво улыбнулся.

— Позвольте же мне,— гнул свое Тик,— пояснить, что бы там наш ученый коллега Хьюм ни пытался рассказать вам.

— Если уж вам так хочется понапрасну тратить время.— Новый член улыбнулся и отер шею носовым платком.

Доктор Фрэнк Россон, этот выдающийся и не менее величественный гинеколог, хихикнул.

— Тик сегодня в ударе,— шепнул он Хьюму.

— Старческий маразм в сочетании с садизмом,— ответил Хьюм.

— Доктор Уорнер,— продолжал педагог,— собрания членов «Клуба Икс» преследуют одну интересную цель. Они собираются каждые три месяца, чтобы исповедаться в убийстве, которое тот или иной из них совершил со времени нашей последней встречи. Я, разумеется, веду здесь речь о медицинском убийстве. Хотя, вероятно, выслушав признания одного из нас в убийстве, совершенном в пылу страсти, а не по причине собственной глупости, мы бы испытали несомненное облегчение. Нет, в самом деле, доктор Уорнер, если вы недавно убили жену или укукошили дядюшку и хотели бы скинуть груз с души, мы с почтением вас выслушаем. Само собой разумеется, ничто из сказанного вами не станет достоянием полиции.

Старый Тик помолчал, увидев, что новичок еще больше встревожился.

— Я убежден, что вы не убили никого из своих родственников,— вздохнул он,— и что вы никогда этого не сделаете, разве что из чувства долга. Наш ученый коллега Хьюм,— продолжал он,— наверняка толковал об этих наших форумах с точки зрения психиатрии — исповедь, мол, облегчает душу. Все это чепуха. Мы собираемся здесь не для того, чтобы облегчать наши души, а для того, чтобы совершенствовать их. Подлинная цель наших собраний преследует научные задачи. Мы создали это общество потому, что не смеем публично признаться в своих ошибках, потому, что мы настолько знамениты и учены, что не можем допустить, чтобы нас критиковали неученые профаны, потому, наконец, что нечеловеческое совершенство, на которое мы притязаем, вредно для наших слабых человеческих натур. Это единственная медицинская организация в мире, члены которой похваляются только своими ошибками.

Ну, а теперь,— Тик улыбнулся неопиту,— позвольте мне дать определение тому, что же мы считаем настоящим, отменным, профессиональным убийством. Это — умерщвление человеческого существа, которое доверчиво отдало себя в руки врача. Имейте в виду, смерть пациента сама по себе еще не убийство. Нас интересуют только те случаи, когда доктор убил пациента, поставив неправильный диагноз либо же прописав заведомо не то лечение или операционное вмешательство, без каковых пациент жил бы себе да поживал.

— Хьюм мне все объяснил,— нетерпеливо пробормотал новый член, затем возвысил голос: — Присутствовать на таком собрании большая честь для меня, и я понимаю, что могу многому научиться у моих именитых коллег, если буду слушать, а не говорить. И все же я должен сделать весьма важное сообщение.

— Убийство? — спросил Тик.

— Да, — ответил новичок.

Старый профессор кивнул.

— Очень хорошо, — сказал он. — И мы с удовольствием вас слушаем. Но в списке дел, назначенных к слушанию, у нас несколько убийц раньше вас.

Новый член ничего не ответил. Он сидел как будто аршин проглотил. Именно тогда кое-кто из присутствующих, в том числе Хьюм, заметил, что в напряженности молодого хирурга, кроме страха перед первым выступлением, есть и что-то еще. Все были убеждены, что в Сэме Уорнере, пришедшем на свое первое заседание в «Клубе Икс», происходит какая-то загадочная борьба.

Доктор Филип Кэртифф, видный невролог, положил ему руку на изгиб локтя и спокойно сказал:

— Не надо расстраиваться из-за того, что вы собираетесь нам рассказать. Мы все довольно хорошие медики, а, уверяю вас, мы совершали ошибки и похуже, что бы там у вас ни было.

— Попрошу потише, — потребовал старый Тик. — Здесь не санаторий для врачей с комплексом вины. Это клиника ошибок. И мы будем продолжать заправлять ею в упорядоченной манере. Нравится вам держать Сэма Уорнера за руку — держите, это ваша привилегия. Но делайте это молча.

Он вдруг одарил нового члена лучезарной улыбкой.

— Признаюсь, — продолжал он, — мне не терпится услышать, как же это вышло, что такой великий всезнайка, как наш молодой друг доктор Уорнер, взял да и угробил одного из своих пациентов. Но наше любопытство придется пока смирить. Поскольку пятерых из вас не было на предыдущем заседании, я полагаю, что ради вашего же блага следует повторить признания доктора Джеймса Суини.

Доктор Суини встал и обратил горящие на скорбном лице глаза к пятерым отсутствовавшим.

— Ну, — заговорил он монотонным голосом занятого человека, — один раз я уже рассказывал, но могу повторить. Я послал пациента в рентгенокабинет пройти флюороскопию. Мой ассистент, дав ему выпить раствор бария, поставил его перед аппаратом. Через минуту туда вошел я и, увидев пациента на экране, заметил своему ассистенту, доктору Крочу, что это же просто удивительно — я никогда не видел ничего подобного. Кроч был слишком поглощен зрелищем, чтобы подтвердить мои слова. Весь кишечный тракт — от пищевода и ниже — был словно сделан из камня — вот что предстало моему взору. Изображение у меня на глазах становилось светлее и четче. Самым страшным в данной ситуации было то, что мы оба понимали, что уже ничего не поделаешь. Более того, у доктора Кроча даже проявились весьма определенные признаки истерии. Мы с ним все

смотрели, а у пациента уже появились симптомы смерти. Она не заставила себя ждать, и он грохнулся на пол.

— Ну, черт меня дерит! — вскричали в один голос двое трое из отсутствовавших.

А доктор Кэртифф добавил:

— И что же это было, черт возьми?

— А ничего особенного, — ответил Суини. — На дне стакана, из которого мы дали пациенту раствор бария, был запекшийся осадок. Мы напоили пациента гипсом. Давление, вероятно, вызвало мгновенный разрыв сердца.

— Боже милостивый! — воскликнул новый член. — И как же гипс попал в стакан?

— Ошибка фармацевта, — мягко сказал Суини.

— А что же было с пациентом — если с ним вообще что-нибудь было, — прежде чем он рискнул прийти к вам?

— Вскрытие показало в основном затвердевший кишечный тракт, — сказал Суини. — Но, судя по некоторым признакам, мне кажется, что у пациента была небольшая предрасположенность к пилорическому спазму, который вызывал икоту, из-за чего его и направили ко мне.

— Прямо-таки литературное убийство, — заметил старый Тик. — Своего рода Пигмалион наоборот.

Старый профессор помолчал и устремил свои глаза на Уорнера.

— Кстати, прежде чем мы пойдем дальше, — сказал он, — пожалуй, пора сообщить вам полное название нашего клуба. Оно следующее: «Икс — символ невежества». Мы, разумеется, предпочитаем пользоваться сокращенным названием как более светским.

— Ну, разумеется, — сказал новый член, и лицо его, казалось, покраснело еще больше.

— А теперь, — объявил старый Тик, сверившись с каракулями на листке бумаги, — первым у нас сегодня назначен к слушанию доктор Уэнделл Дейвис.

Этот элегантный специалист по желудкам встал, воцарилось молчание. Дейвис — высокий, плотно сбитый, сероглазый и красиво постриженный — был доктором, относившимся к своей внешности с меньшей серьезностью, чем к медицине. На его лице не было абсолютно никакого выражения — оно представляло собой большую розовую маску, которую еще ни один пациент, как бы ни был он болен и в какой бы агонии ни пребывал, никогда не видел обеспокоенной.

— В конце прошлого лета, — начал он, — меня пригласили в дом одного рабочего. Сенатор Белл устроил пикник для своих избирателей победней. В результате этого события у троих детей одного слесаря-паропроводчика по фамилии Хоровитц случилось пищевое отравление. Сенатор как устроитель пикника посчитал, что он несет ответственность за это дело, и я по его настоятельной просьбе поехал

к Хоровитцу домой. Двум детям девяти и одиннадцати лет было очень плохо, их сильно рвало. Мать перечислила мне, что они трое съели — что-то умопомрачительное. Я дал им хорошую дозу касторового масла.

Третьему, мальчику семи лет, было не так плохо, как двум другим. Он казался бледным, у него был легкий жар, его поташнивало, но не рвало. Казалось очевидным, что и он отравился, но в меньшей степени. Соответственно, я прописал равную дозу касторки и младшему — от греха подальше.

Посреди ночи мне позвонил отец — его беспокоило состояние семилетнего. Двум другим детям, сказал он, значительно лучше. Я посоветовал ему не беспокоиться — просто у младшего процесс отравления проходит с некоторым опозданием, но утром ему, несомненно, станет лучше и он наверняка выздоровеет, как и его сестра с братом. Положив трубку, я чувствовал себя очень довольным собой — ведь я предугадал состояние младшего и в качестве профилактики прописал касторовое масло.

На другой день в полдень я приехал к Хоровитцу домой и увидел, что двое детей практически здоровы. Семилетний, однако, и впрямь казался очень больным. Оказывается, они разыскивали меня с самого утра. Температура у ребенка была сто пять градусов¹. Организм был обезвожен, под запавшими глазами — круги, лицо вытянулось, ноздри расширены, губы синюшные, а кожа холодная и липкая.

Доктор Дейвис замолчал. Заговорил доктор Милтон Моррис, прославленный специалист по легочным болезням.

— Он умер через несколько часов? — спросил он.

Доктор Дейвис кивнул.

— Ну что ж, — спокойно сказал доктор Моррис, — вроде бы все ясно. Когда вы увидели его впервые, у ребенка был острый приступ аппендицита. Касторовое масло прорвало его аппендикс. А к тому времени, когда вы увидели ребенка снова, уже начался перитонит.

— Да, — неторопливо признал доктор Дейвис, — именно так все и было.

— Убийство касторовым маслом, — проквохтал старый Тик. — У меня тут записка от доктора Кеннета Вуда. Слово предоставляется доктору Вуду.

Маститый хирург-шотландец, прославившийся в студенческие годы участием в Олимпийских играх, встал. Он все еще был мужчина, что называется, в соку, с большими руками, плотными плечами, в его журчащем голосе угадывалась мужская сила.

— Не знаю даже, каким убийством вы назовете мое, — улынулся доктор Вуд коллегам.

— Обычное название — убийство мясником, — сказал Тик.

---

¹ По Фаренгейту.

— Пожалуй, вам придется назвать его обыкновенным убийством глупостью,— мягко возразил доктор Вуд.

Старый Тик снова хихикнул.

— Если бы вы занимались диагнозом побольше, а толканием ядра поменьше, вы бы не гробили столько пациентов,— сказал он.

— Это мое первое сообщение за три года,— скромно ответил Вуд.— А оперирую я четыре-пять человек в день, включая и выходные.

— Дорогой мой Кеннет,— сказал доктор Хьюм,— на одно убийство за три года имеет право каждый хирург. Собственно, это даже феноменальный рекорд, особенно если учесть, каким вы подвергаетесь искушениям.

— Продолжайте рассказывать о своем преступлении,— сказал Тик.

— Ну...— Представительный хирург повернулся к своему коллеге, к новому члену.— Вы же знаете, Сэм, как бывает с этими острыми воспалениями желчного пузыря.

Уорнер неопределенно кивнул.

Доктор Вуд продолжал:

— Доставили поздно вечером. Невыносимые боли. Я осмотрел пациентку. Обнаружил боль в верхней правой четверти живота. Она отдавалась в спину и правое плечо, что абсолютно характерно для желчного пузыря. Я дал пациентке опиаты. Они на нее не подействовали, что, как вы знаете, только подтверждает любой диагноз с желчным пузырем. На желчный пузырь опиаты никогда не действуют.

— Это нам известно,— сказал новый член, нервничая.

— Простите,— улыбнулся доктор Вуд.— Я просто хочу представить все поподробнее. Ну, тогда я, чтобы снять боль, дал пациентке нитроглицерин. Температура у нее была сто один. К утру боль стала такой сильной, что разрыв желчного пузыря не вызывал никаких сомнений. Я прооперировал. С этим пузырем, будь он неладен, оказалось все в порядке. Через час пациентка умерла.

— Что показало вскрытие? — спросил доктор Суини.

— Одну минуточку,— ответил Вуд.— Это вы ведь вроде бы должны угадать сами, разве нет? Ну, пожалуйста, скажите же мне, в чем тут было дело.

— Вы ознакомились с ее историей болезни? — немного погодя спросил доктор Кэртифф.

— Нет,— ответил Вуд.

— Ага! — фыркнул Тик.— Вон как! Снова ошибка слепца.

— Дело-то было срочное.— Вуд, казалось, смутился.— И вроде такое очевидное. Я провел сотни подобных операций.

— Факты, на мой взгляд, следующие,— заговорил Тик.— Доктор Вуд убил женщину, потому что неправильно определил источник боли. Наша задача, стало быть, весьма проста. Что, кроме желчного

пузыря, может вызвать такую боль, какую описал наш выдающийся хирург?

— Сердце,— тут же ответил доктор Моррис.

— Горячо,— сказал Вуд.

— Прежде чем оперировать пациента с такой резкой болью, причем в отсутствие истории болезни,— продолжал Тик,— я бы почти наверняка взглянул на сердце.

— Ну что ж, вы бы поступили правильно,— тихо признал доктор Вуд.— Вскрытие показало инфильтрацию нисходящей ветви правой коронарной артерии.

— Убийство второкурсышником,— вынес гневное определение старый Тик.

— Первое и последнее,— спокойно сказал Вуд.— Больше в моей больнице не будет ошибок с сердечными заболеваниями.

— Хорошо, хорошо,— сказал старый Тик.— Итак, джентльмены, преступления, о которых до сих пор делались сообщения, до инфантильности просты, чтобы еще их обсуждать. Мы ничего из них не извлекли, кроме того разве, что наука и глупость идут рука об руку, каковой факт нам слишком хорошо известен. Однако сегодня среди нас присутствует молодой, но исключительно искусный мастер скальпеля и пилы. И я после долгого знакомства с упомянутым джентльменом могу заверить вас, что если уж он совершил убийство, так это наверняка блеск, как сказала бы одна из моих студенток. Весь последний час он сидит здесь, ерзая на стуле, как самый настоящий преступник, снедаемый сознанием вины и горя желанием поделиться ею с нами. Джентльмены, отдаю на ваш суд нашего нового и самого молодого подсудимого.

Доктор Уорнер поднял глаза и оглядел четырнадцать своих именных коллег. Чувствовалось, что он волнуется. Старшие взирали на него совершенно спокойно и с различной степенью раздражения. Они уже поняли из его поведения — и дальнейших подтверждений им было не нужно,— что этот эскулап буквально напичкан всевозможными несостоятельными теориями и незрелыми открытиями. Когда-то и они сами испытывали нечто подобное. Ведь для седеющего медика нет ничего приятнее возможности напаять колпак глупца на младшего собрата по профессии. Старый Тик, оглядев своих коллег, ухмыльнулся: они все напустили на себя вид педагогов, прячущих за спиной розгу.

Доктор Уорнер приложил к шее влажный носовой платок и понимающе улыбнулся этим светилам. В чем он был убежден, так это в том, что, приди он сюда, чтобы рассказать не об убийстве, а о каком-нибудь чудесном исцелении, к нему бы отнеслись с не менее критическим и подозрительным вниманием.

— Я расскажу вам об этом случае несколько подробнее,— сказал он,— так как полагаю, что интереснее проблемы в практике и не вступишь.

Доктор Россон, гинеколог, хмыкнул, но ничего не сказал.

— Пациент был молодой человек, или скорее мальчик,— торопливо продолжал Уорнер.— Семнадцати лет, исключительно талантливый. Пожалуй, самый удивительный молодой человек, какого я когда-либо знал. Он писал стихи. Вот как мы познакомились. Я прочел одно из его стихотворений в журнале, и, боже, оно произвело на меня такое впечатление, что я написал ему письмо.

При столь непрофессиональном поведении доктор Кэртифф даже поморщился.

— Рифмованные стихи? — спросил доктор Вуд, подмигнув старому Тику.

— Да,— ответил Уорнер.— Я прочел все его рукописи. Они были в роде как революционные. Его поэзия был криком против несправедливости. Всякой несправедливости. Горькая и жгучая.

— Погодите минуточку,— остановил его доктор Россон.— Новый член, похоже, не совсем правильно понимает наше назначение. Мы не литературное общество, Уорнер.

— Я это знаю,— сказал Уорнер, безжизненно улыбаясь.

— И пока вы еще не перешли к делу,— ухмыльнулся доктор Хьюм,— пожалуйста, без хвастовства. Хвастать можете на ежегодном съезде хирургов.

— Джентльмены,— сказал Уорнер,— я и не собираюсь хвастать. Я буду говорить об убийстве, уверяю вас. Причем о таком страшном, о каком вы и не слышали.

— Ну что ж,— сказал доктор Кэртифф.— Продолжайте. Не принимайте его близко к сердцу и смотрите не раскисните.

— Не раскисну,— сказал Уорнер.— Не беспокойтесь. Итак, пациент хворал уже две недели, когда пригласили меня.

— А я уж решил, вы его друг,— заметил доктор Дейвис.

— Так оно и было,— ответил Уорнер.— Но он не верил в докторов.

— Не верил, говорите? — Старый Тик усмехнулся.— Блестящий молодой человек.

— Именно таким он и был,— с жаром продолжал Уорнер.— Я даже расстроился, когда пришел и увидел, насколько он болен. Я сразу же распорядился поместить его в больницу.

— О, богатый поэт,— заметил доктор Суини.

— Да нет,— ответил Уорнер.— Расходы оплачивал я. И я, когда только мог, находился при нем. Болезнь началась со страшной боли в левой стороне живота. Он хотел было пригласить меня, но через три дня боль утихла, и пациент решил, что он здоров. А через два дня боль вернулась снова, поднялась температура. Когда он послал за мной, у него наблюдался понос, гнойный и с кровью, но не амевный. После этой проверки на патологию я поставил диагноз: язвенный колит. Боль была левосторонняя, аппендицит исключался. Я назначил пациенту сульфатуанидин и неконцентрированный экстракт

печени и посадил его на высокобелковую диету — в основном молоко. Несмотря на такое лечение и постоянное наблюдение, пациенту стало хуже. У него развилась чувствительность к боли по всему животу, как прыжая, так и с иррадиацией, а вся левая прямая мышца стала ригидной. После двух недель тщательного лечения пациент умер.

— И вскрытие трупа показало, что вы ошиблись? — спросил доктор Вуд.

— Вскрытия я не делал, — сказал доктор Уорнер. — Родители парня полностью мне доверяли. Как и он сам. Они считали, что я делаю все возможное, чтобы спасти ему жизнь.

— Тогда откуда же вы знаете, что поставили неправильный диагноз? — спросил доктор Хьюм.

— Из того простого факта, — раздраженно ответил Уорнер, — что пациент умер, а не вылечился. Когда умер, я понял, что убил его, поставив неправильный диагноз.

— Логично, — согласился доктор Суини. — Бессмысленное лечение — это не алиби.

— Итак, джентльмены, — хихикнул из-за своего стола старый Тик, — наш талантливый новый член самым натуральным образом укуошил великого поэта и близкого друга. Прошу предъявить обвинения его диагнозу.

Однако высказываться никто не спешил. У врачей сильно развито чувство невидимого и невысказанного. И почти все четырнадцать, глядевших на доктора Уорнера, чувствовали, что от них что-то утаивают. Напряженность хирурга, его воодушевление, в котором можно было различить обертоны издевательской насмешки, убедили их, что в истории о мертвом поэте что-то недосказано. Вот почему они и подошли к этой проблеме с осторожностью.

— Как давно умер пациент? — спросил доктор Россон.

— В прошлую среду, — сказал Уорнер, — а что?

— В какой больнице? — спросил Дейвис.

— В больнице святого Майкла, — ответил Уорнер.

— Вы говорите, родители верили вам, — сказал доктор Кэртифф, — и по-прежнему верят. Но вы как-то странно чем-то обеспокоены. Может быть, было какое-нибудь расследование со стороны полиции?

— Нет, — ответил Уорнер. — Преступление идеальное. Полиция ничего о нем не слышала. И даже моя жертва умерла, полная благодарности. — Он улыбнулся всем лучезарной улыбкой. — Послушайте, — продолжал он, — ведь, может, даже вам не удастся доказать, что мой диагноз ошибочен.

Этот откровенный вызов привел кое-кого из присутствующих в раздражение.

— Не думаю, что будет так уж трудно разнести ваш анализ, — сказал доктор Моррис.

— Здесь есть какой-то подвох,— неторопливо заметил доктор Вуд, буравя Уорнера взглядом.

— Единственный подвох,— быстро сказал доктор Уорнер,— это сложность болезни. Вы, джентльмены, очевидно, предпочитаете убийства проще, когда имеет место преступная небрежность врача, вроде тех, что я тут сегодня наслушался.

После продолжительной паузы доктор Дейвис мягко спросил:

— Вы описали приступ боли перед диареей, так?

— Совершенно верно,— согласился Уорнер.

— Ну,— спокойно и рассудительно продолжал Дейвис,— временное исчезновение симптомов и их возвращение в пределах нескольких дней внешне похоже на язву... если бы не один момент.

— Я не согласен,— мягко возразил доктор Суини.— Диагноз доктора Уорнера — это глупая ошибка. Симптомы, которые он нам только что представил, не имеют ничего общего с язвенным колитом.

Уорнер зарделся, желваки на его лице сердито заходили.

— Не будете ли вы добры подкрепить свои оскорбления научно? — бросил он.

— Это очень легко делается,— спокойно ответил Суини.— Последний приступ диареи и лихорадки, который вы описываете, исключает язвенный колит в девяноста девяти случаях из ста. Как вы считаете, доктор Тик?

— Никаких язв,— ответил доктор Тик, изучая Уорнера взглядом.

— Вы упомянули боли по всему животу как один из последних симптомов,— как бы сглаживая разногласия, сказал Дейвис.

— Совершенно верно,— согласился Уорнер.

— В таком случае, если вы правильно описали болезнь,— продолжал Дейвис,— обнаруживается один очевидный факт. Всеобщая боль указывает на перитонит.

— А как насчет заворота кишок? — подбросил доктор Вуд.— Он тоже мог вызвать описанные симптомы.

— Нет,— возразил доктор Россон.— Вольвулус — значит гангрена и смерть через три дня. Уорнер же говорит, что пользовал его две недели и что пациент болел еще две недели до вызова врача. Продолжительность болезни исключает инвагинацию, вольвулус и опухоль кишечника.

— Есть еще одна штука,— сказал доктор Моррис.— Левосторонний аппендицит.

— Это тоже исключено,— быстро ответил доктор Вуд.— Острая боль, описанная Уорнером, не бывает симптомом аппендицита.

— Единственное, к чему мы пришли,— сказал доктор Суини,— это прободение, но не язвенное. Почему бы не пойти в этом направлении?

— Да,— сказал доктор Моррис,— о язвенном колите не может быть и речи, если учесть, какое болезнь приняла течение. Я убежден, мы имеем дело с прободением другого типа.

— Следующий вопрос заключается в том,— объявил старый Тик,— чем вызвано это прободение.

Доктор Уорнер тихо сказал:

— А я о предметном прободении даже не подумал.

— И напрасно,— улыбнулся доктор Кэртифф.

— Ну, ну,— продолжал старый Тик,— давайте не будем отвлекаться. Так чем же вызвано прободение?

— Ему было уже семнадцать лет,— сказал Кэртифф.— Возраст вроде уже не тот, чтобы глотать булавки.

— Если только у него не было к ним особого пристрастия,— заметил доктор Хьюм.— Пациент хотел жить, Уорнер?

— Больше чем кто-либо другой, кого я когда-либо знал,— мрачно ответил Уорнер.

— Стало быть, версию о самоубийстве можно отбросить,— сказал доктор Кэртифф.— Я уверен, что мы имеем дело с прободением кишечника.

— Ну,— сказал доктор Вуд,— вряд ли это была куриная кость. Она бы застряла в пищеводе и не попала в желудок.

— Вот видите, Уорнер,— сказал старый Тик.— Мы сузили наши поиски. Распространяющаяся боль, описанная вами, означает расширение инфекции. Течение, которое приняла болезнь, означает какое-то иное, неязвенное прободение. А подобное прободение означает, что пациент проглотил какой-то предмет. Булавки и куриные кости мы исключили. Значит, остается только одно.

— Рыбья кость,— сказал доктор Суини.

— Вот именно,— подтвердил Тик.

Уорнер стоял и напряженно слушал, как другие подтверждают этот диагноз. Тик огласил вердикт.

— Я полагаю, все мы согласны с тем,— сказал он,— что Сэм Уорнер убил пациента, излечивая его от язвенного колита, тогда как операция по удалению рыбьей кости, вызвавшей абсцесс, спасла бы ему жизнь.

Уорнер быстро прошел через комнату к стенному шкафу, где он повесил пальто и шляпу.

— Куда же вы? — бросил ему вслед доктор Вуд.— Мы еще только начали.

Надевая пальто, Уорнер улыбался.

— У меня мало времени,— сказал он,— но я хочу поблагодарить вас всех за ваши диагнозы. Вы были правы, когда говорили, что в этой истории есть какой-то подвох. Подвох в том, что мой пациент еще жив. Я две недели лечил его от язвенного колита, но сегодня днем понял, что поставил неправильный диагноз... и что не пройдет и суток, как он умрет, если я не узнаю, что же с ним на самом деле.

Уорнер был уже в дверях, его глаза блестели.

— Еще раз спасибо, джентльмены, за консультацию и ваш диагноз,— сказал он.— Он поможет мне спасти жизнь моему пациенту.

Полчаса спустя члены «Клуба Икс» стояли кучкой в одной из операционных больницы святого Майкла. Это уже были совсем не те люди, которые в отеле «Уолтон» разыгрывали медицинский канун дня поминовения всех святых. Когда врачи сталкиваются лицом к лицу с болезнью, в них происходит какая-то перемена. Самые старые и утомленные из них черпают в кризисе силу. Кудя только дается их неуклюжесть, и в операционную входит стройный чемпион. Столкнувшись с проблемой жизни и смерти, усталые, покрасневшие глаза излучают величие и даже красоту.

На операционном столе лежало нагое тело негритянского юноши. Доктор Уорнер в белом хирургическом облачении стоял над ним и ждал. Анестезиолог наконец кивнул.

Четырнадцать членов «Клуба Икс» стояли и смотрели, как Уорнер оперирует. Вуд одобрительно кивнул, отметив его сноровку. Россон откашлялся, хотел что-то сказать, но при взгляде на быстро двигавшиеся руки хирурга воздержался. Все молчали. Минуты шли. Сестры спокойно подавали хирургу инструменты. Руки у них были заляпаны кровью.

Четырнадцать выдающихся медиков с надеждой смотрели на осунувшееся лицо лежавшего без сознания цветного парня, который проглотил рыбью кость. Никогда еще ни один король или папа не лежал в муках в окружении стольких гениев медицины, затаивших дыхание.

И вдруг покрывшийся испариной хирург поднял что-то вверх.

— Промойте,— пробормотал он сестре,— и покажите этим джентльменам.

Он занялся тампонами в подвергшейся абсцессу полости, затем присыпал открытую брюшину сульфаниламидом, чтобы убить инфекцию.

Старый Тик сделал шаг вперед и взял предмет из руки сестры.

— Рыбья кость,— сказал он.

Члены «Клуба Икс» сгрудились вокруг нее, точно это было невиданное сокровище.

— Удаление этого маленького предмета,— тихонько пробормотал Тик,— дает пациенту возможность продолжать писать стихи, обличающие жадность и ужасы нашего мира.

Вот, собственно, и вся история, которую рассказал мне Хьюм, да еще эпилог о выздоровлении этого негритянского поэта три недели спустя. Обед мы давно закончили. Была уже поздняя ночь, когда мы вышли на тусклые из-за войны улицы Нью-Йорка. Заголовки в газетных киосках изменились только в размерах — стали еще больше в честь еще больших боен, о которых они возвещали.

Глядя на них, можно было представить усеянные трупами поля сражений. Но у меня из головы не шла другая картина — картина, наводившая на мысль о том, что мир станет лучше: операционная в больнице, где пятнадцать именитых и ученых героев боролись за жизнь негритянского мальчика, проглотившего рыбью кость.

Джон СМИТ

ПОНЕДЕЛЬНИК — ДЕНЬ ТЯЖЕЛЫЙ

Джон Брайен очнулся от дурмана принятого на ночь снотворного и нечаянно нажал на кнопку сигнального автомата, связанного с телефонной линией. Аппарат послушно и без всякого звука набрал номер полиции и механически стал повторять записанное на пленку сообщение: «Грабители в доме № 250 по Линкольн-стрит... Грабители в доме № 250 по Линкольн-стрит»...

Пребывая все еще словно в тумане, Джон побрился, оделся и спустился вниз покормить доберман-пинчера.

Протянув кусок мяса, он по забывчивости сказал: «Взять!» Собака послушно укусила его за руку.

Джон Брайен еще перевязывал руку, когда два дюжих полисмена, что явились по вызову дистанционной тревоги, забарабанили во входную дверь. Шаря торопливо руками, Джон ухитрился открыть три замка на двери, но при этом в спешке уронил себе на ногу семипудовую накладку от запора. Извинившись перед полицией за ложный вызов, Джон, прихрамывая, вернулся в комнаты, надел пальто, проверил на всякий случай, с собой ли карманный разбрызгиватель слезоточивой жидкости для защиты от грабителей, запер двери на несколько замков и направился к автобусной остановке.

Он готов был уже сесть в автобус, когда обнаружил, что у него нет мелочи, а лишь десятка. «А ну-ка ты, Мак, сойди с автобуса», — приказал ему водитель. Напуганные ростом ограблений автобусных касс, городские власти ввели систему точной, без сдачи, оплаты за проезд.

В отчаянии Джон сошел на тротуар и обратился к молоденькой женщине с просьбой разменять деньги.

— Мисс... — начал он, — не могли бы вы...

Та встретила его выстрелом из пистолета со слезоточивым газом. Клубы ядовитых испарений и красителя окутали его. Слепленный и полузадохшийся, почти в обморочном состоянии, Джон сошел на мостовую и окликнул такси.

Усевшись, он еще продолжал протирать глаза, когда услышал характерный звук защелки. Впереди, укрывшись за пуленепробивае-

мым стеклом из прозрачного пластика, таксист запер на автоматический замок заднюю дверцу, чтобы не дать возможность пассажиру выйти из машины, не заплатив деньги...

В полдень Джон вышел из своей конторы и отправился в магазин, чтобы купить подарок ко дню рождения своей возлюбленной. Несколько дней назад он высмотрел в одном из соседних универмагов подходящую вещь — работающую от карманной батарейки защитную сирену, сконструированную так, чтобы ее было удобно носить в дамской сумочке. Он вытащил чековую книжку, чтобы уплатить за сирену, и терпеливо ждал, пока новенькая продавщица разгадывала, каким образом действовать скрытой камерой, которая фотографировала каждого покупателя, расплачивающегося чеками. На свою беду, она завернула покупку, забыв предварительно оторвать бирки. Одна бирка была запечатана особой облаткой, излучающей радиацию, от которой срабатывал сигнал звуковой тревоги при выходе из магазина. Джон еще не успел перешагнуть порог, как его окружили детективы.

К тому времени, когда расстроенная продавщица признала свою ошибку, а давящие каменные взгляды сыщиков сменились смущенными улыбками, Джон решил, что на сегодня с него хватит.

Измученный донельзя, с нервами, вымотанными до предела, он шел домой, тщательно сторонясь темных переулков и неосвещенных подъездов домов. Он чуть дольше обычного задержался, когда открывал запертую на множество замков входную дверь, и эта задержка оказалась роковой. Прежде чем он успел прошмыгнуть внутрь своей городской крепости, три грабителя, подстергавшие своих жертв в вестибюле, освободили его от бумажника, часов и купленного подарка — защитной сирены. Затем для профилактики обдали его струей ядохимиката из его собственного карманного разбрызгивателя и скрылись, оставив беднягу в полном трансе. Да, понедельник — день тяжелый.

Алан МАРШАЛЛ

КАК ПОЯВИЛАСЬ ЛУНА

Сначала из глубины моря выросли огромные острова, которые постепенно покрылись густым лесом. На некоторых островах в лагуны, как в ловушки, попала морская вода, и рыбы там было видимо-невидимо.

В те далекие времена жили-были две сестры: Накари и Куррамара. Однажды в поисках пищи они отправились на остров Брайби¹. У Накари был ребенок, и она взяла его с собой, посадив малыша на плечи.

¹ Небольшой остров в бухте Мортон.

Остров Брайби вырос из моря совсем недавно, и люди и животные еще не успели протоптать в его чащобах тропинки. Сестры заблудились. Они шли наугад, пока не достигли середины острова, где среди травяных деревьев затерялась лагуна с морской водой.

— Отдохнем здесь, — сказала Накари. — Место хорошее.

Она нашла большой и гладкий кусок древесной коры, положила на него ребенка, и он сразу заснул.

Из такой же не пропускающей воду коры сестры соорудили шалаш и, прихватив копья, пошли к лагуне охотиться на рыб. На сей раз им попалась крупная диковинная рыба. Она была круглая, с замысловатым тевевым рисунком на серебристых боках. Они с трудом дотащили ее до стоянки и развели огонь. Вскоре пламя раскрошило поленья на угли. Сестры положили на них рыбу и засыпали ее золой.

— Рыба очень большая, — сказала Куррамара, — нам придется долго ждать, пока она будет готова, и мы успеем собрать немного ямса¹.

Сестры взяли свои палочки для сбора картофеля и углубились в заросли. Лоза ямса обвивалась вокруг стволов деревьев, а его сочные зеленые листья свисали до самой земли.

Наполнив плетеные сумки плодами, они вернулись к стоянке. Накари была очень голодна и первая поспешила к костру. Зола и угли были разбросаны.

— Сестра, — удивленно крикнула Накари, — скорее сюда! Наша рыба исчезла!

Подбежала Куррамара, и сестры в недоумении уставились на разоренный костер.

Придя в себя, они увидели, что в сторону леса от кострища тянется серая от пепла тропинка. Это была зола, осыпавшаяся с убегающей рыбы.

Куррамара и Накари пошли по следу, который петлял между деревьями. Зола привела их к высокому эвкалипту.

— След обрывается, — сказала Куррамара. — Рыба должна быть где-то здесь.

Сестры посмотрели вверх и ахнули. Рыба одолела уже половину могучего ствола.

— Беги к стоянке и принеси наши копья, — сказала Куррамара, — а я пока послезу за ней.

Накари убежала, а Куррамара, оставшись одна, стала бросать в рыбу всем, что попадалось ей под руку. Но серебристый круг упрямо карабкался вверх.

Вернулась Накари, и сестры попробовали достать ее копиями, но безуспешно — рыба была теперь на самой макушке.

---

¹ Дикий картофель (австрал.).

Накари вконец проголодалась и заплакала.

— Надо было кому-то остаться у костра и стеречь эту рыбу. Что теперь делать? Мы так голодны, а, кроме ямса, есть больше нечего.

— Подождем еще немного,— сказала Куррамара.— Ветви на макушке тонкие, смотришь — ломаются, и она упадет.

Они прождали весь день. Наступил вечер. Как только темнота окутала лес, рыба поднялась с дерева, и сестры видели, как по черноте неба на запад скользнул лучиком ее серебристый след. Расстроенные Накари и Куррамара вернулись к стоянке.

Утром они снова отправились в путь и к полудню вышли к берегу моря. Накари положила ребенка на песок, укрыла его покрывалом из шкуры опоссума, а сама вместе с Куррамарой пошла ловить крабов. Они переходили от скалы к скале и не заметили, как начался прилив. Море забеспокоилось. Сильная волна обрушилась на спящего младенца и утащила его с берега. Когда прилив спал, из-под искрящегося мокрого песка торчала только маленькая ножка.

Вскоре вернулись сестры, и Накари, заметив ножку сына, громко заплакала. Она тут же откопала младенца, но он был уже мертвый.

Сестры похоронили ребенка здесь же, на пляже, и пошли дальше, но Накари еще долго останавливалась и смотрела назад, пытаясь разглядеть могилку. Тогда Куррамара взяла сестру за руку и повела вперед и не отпускала, пока Накари не перестала оборачиваться.

К концу дня они добрались до пролива, отделяющего остров от материка. Море было спокойным, и женщины переплыли пролив и расположились на ночлег в одной из прибрежных пещер.

Весь день Накари и Куррамара шли берегом и к вечеру остановились возле устья реки Маручи.

Прямо перед ними в открытом море лежал остров Маджимба. Сестры стояли на берегу и любовались островом, как вдруг с неба опустилось огромное бревно и легло через море, соединив материк с островом.

Взявшись за руки, Накари и Куррамара перешли по бревну, но не успели они ступить на остров, как оно исчезло. Пути назад не было.

— Как тебе нравится этот остров, сестра? — спросила Куррамара.— Нам придется остаться здесь навсегда. Пролив очень широк, и мы никогда не сможем переплыть его.

— Красивый остров,— ответила Накари.— Я с удовольствием буду жить на нем. Только сможем ли мы найти здесь пищу?

— Об этом не беспокойся,— сказала Куррамара.— Будем есть плоды хлебного дерева¹, рыбу, крабов и ямс.

Они развели костер и сели у огня отдохнуть. Ветра не было, и дым не относил в сторону. Он поднимался вверх и соединял землю с небом.

---

¹ Дерево, плоды которого аборигены поджаривают и употребляют как хлеб.

Наступила ночь, но темнота ее была не такой кромешной, как прежде. Сестры подняли головы и увидели луну.

— Ой, сестра! — воскликнула Накари. — Смотри-ка, это же наша рыба!

До самого утра Накари и Куррамара не могли оторваться от луны, и им было очень грустно. Как же это они упустили такую большую рыбу!

Прошел еще один день, и снова настала ночь. Луна теперь сделалась меньше, как будто от рыбы откусили кусок.

На следующую ночь осталась только половина, потом четверть и наконец тоненький, как лезвие кривого ножа, краешек. Несколько ночей подряд луна вовсе не появлялась.

— Всю съели, — вздохнула Куррамара. — Нет больше нашей рыбы.

С тех пор каждую лунную ночь сестры с грустью смотрят на небо, где кто-то, воспользовавшись темнотой, тайком поедает их рыбу. Даже днем, если приглядеться, видно, как с далекого острова, извиваясь, поднимается ввысь дымок костра и соединяет небо с землей.

Салли БЕНСОН

ПРОФЕССИЯ — ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА

В том углу, где они завтракали, несмотря на раскрытое окно, было очень тепло. Полосатые желто-белые занавески, казалось, прямо обвисли от духоты и зноя, голубая клеенка искрилась мельчайшими капельками. Даже крашенная столешница была влажной и липкой, и Джо Грэннис чувствовал себя как-то очень неуютно на жестком табурете. Дороти разорвала конверт, а он, откинувшись, развернул газету и снова сделал вид, что читает.

И вдруг она так хлопнула письмом по столу, что кофе из ее чашки выплеснулся на блюдо.

— Другого я и не ждала, — воскликнула она. — Они, видите ли, не могут приехать. По крайней мере если верить ее словам.

Ожидать другого было бы глупо, и он, опустив газету, притворился удивленным.

— Странно, — произнес он. — Может, как-нибудь в другой раз.

— В другой раз! — передразнила его жена. — И ты поверил? Да не хотят они приезжать, неужели ты не понимаешь?

— Не думаю. Я, например, не вижу причины...

Дороти сняла чашку и слила в нее пролитый кофе. Щеки ее, обычно окрашенные легким румянцем, сделались пунцовыми, и ему вдруг бросилось в глаза, что волосы у нее на лбу лежат неестественно ровно и аккуратно, будто у куклы.

— Должна тебе сказать, я ужасно жалею, что вообще приглашала их, — сказала она.

И тут Джо Грэннис оплошал.

— Теперь ты хоть не станешь утверждать, что я не предупреждал тебя, — сказал он. — Неужели ты всерьез надеялась подружиться с людьми, которые близки с Луизой? Такого не бывает. Даже подумать смешно.

Она неторопливо закатала повыше рукава ситцевого халатика и поставила локти на стол.

— Это почему же? — спросила она. — Послушать тебя, так они твои лучшие друзья. Более того, Луиза им совершенно безразлична, а в тебе они просто души не чают. Мне даже казалось, они ждут не дождутся развода, чтобы все наконец закончилось и можно было заглянуть сюда.

Она обвела взглядом сверкающую кухню и засмеялась.

— Бог мой! — продолжала она. — Увидели бы они этот дом теперь! Рукаюсь — повалились бы замертво. Чего для меня стоило придать ему вид человеческого жилья — сущие раскопки.

Джо Грэннис вытащил из кармана часы и, взглянув на циферблат, встал из-за стола.

— Мне пора, — сказал он.

— Я думаю, — отозвалась она. — У тебя ни на что нет ответа. Ну, и что же мы будем делать сегодня вечером? Сидеть тут и слушать радио?

— Перестань, твоя ирония неуместна, — ответил он. — У тебя есть собственные друзья. Почему бы тебе не зайти к Рут с Вэнном и не пригласить их?

— Пусть погадают, с чего это они нам понадобились? Ты этого хочешь? Раньше бы им и в голову ничего не пришло. Но в прошлый раз она вела себя как-то странно. Все допытывалась, не испытываю ли я одиночества — одна весь день. Да по мне лучше околеть.

Он взглянул на нее, и лицо его посуровело.

— Поступай как знаешь, — заключил он. — И раз уж ты заговорила о чувствах, я тоже кое-что скажу. Мне, например, казалось, что собственный дом и возможность не ходить на работу — вот и все, что тебе нужно для счастья. Видит бог, ты долгонько пела эту песню. Целых три года, скажешь нет? Вот и получила желанное. Ты тратила деньги на этот дом, будто подгулявший матрос, а если не можешь теперь найти себе друзей, я тут ни при чем.

— Ну еще бы! — воскликнула она притворно-вежливо. — Еще бы!

Она сидела за столом, пока внизу не хлопнула дверь. Тогда она встала и снесла посуду к мойке, где ослепительно сверкала раковина и блестели новизной краны. От горячей воды ей стало еще жарче, и она расстегнула халатик. Тарелки она держала как-то неуклюже, но чуть ли не с нежностью расставляла их на проволочной сушилке, чтобы стекла вода...

Скоро ее подружки одна за другой соберутся в конторе, где когда-то работала и она, свеженькие и нарядные, в новеньких летних платьях. День теплый, а значит, пройдет быстро; рассыльного Мэнни то и знай будут гонять в магазин за содовой. В умывальнике можно поболтать и покурить, не обойдется и без споров, уйдет ли сегодня мистер Экерман, заядлый игрок в гольф, раньше обычного.

Дороти открыла ящик кухонного шкафа и, вытащив желтое в синюю полоску полотенце, быстро вытерла тарелки. Бросив взгляд на часы, она увидела, что еще нет и девяти, и немного расслабилась. Вытерев кухонный стол мокрой тряпкой, она убрала клеенчатые салфетки.

Столовая была прохладной и пустой. Посреди сияющего белизной скатерти обеденного стола серебряная чаша с чернью, вокруг нее расположились четыре тоненьких серебряных подсвечника. Подойдя к шкафу, Дороти повывдвигала один за другим все ящики и с удовлетворением осмотрела ножи, ложки и вилки, лежавшие на полосках фетра. В каждом ящичке — чтобы серебро не тускнело — кусок камфары. Из столовой она поднялась по лестнице в зал. Из четырех дверей две — в ванную и в их с Джо спальню — были приоткрыты. Свободные комнаты она любила держать закрытыми, пока не почувствует, что может в них как следует убрать. В их спальне был легкий беспорядок. Полосатая шелковая пижама Джо покоилась на его постели, а ее бледно-зеленый ситцевый халат висел на стуле у окна. Она повесила их в шкаф и застелила кровать, тщательно разгладив бледно-лиловые покрывала из тафты.

Едва она управилась со всем этим, как прозвонил коротко дверной звонок, и, выглянув из окна, она увидела внизу у входа мужчину с кожаным портфелем под мышкой. Она слегка взбила спереди волосы и задернула молнию кофточки.

Человек, стоявший у двери, оказался очень молодым и очень худым. Светло-серый костюм был сильно поношен, пиджак обвис на плечах. Шляпы на нем не было, и прекрасные светлые волосы, правда, чересчур длинные, небрежно спадали на лоб. Когда она открыла дверь, он смотрел вниз, но, заслышав щелк замка, выпрямился и взглянул на нее, живо откинув голову и приятно улыбнувшись.

— Доброе утро, мадам, — сказал он.

Она так долго стояла, молча воззрившись на него, что он неловко переступил с ноги на ногу, а улыбка его, казалось, застыла.

— Да? — проговорила она наконец.— Я слушаю.

Он взял из-под руки портфель и, повозившись с замком, открыл его, извлек оттуда какую-то книгу и протянул ей. Некогда яркая и разноцветная обложка стала затасканной и грязной — оттого, видимо, что побывала во многих руках. Дороти и пальцем не пошевелила, а он с книгой в протянутой руке, нисколько не смущаясь, продолжал смотреть на нее.

— Я не покупаю ни книг,— сказала она,— ни чего другого.

Молодой человек звонко рассмеялся.

— Эта книга, мадам, не продается. Примите ее в подарок от компании, которую я представляю.

— Знаю-знаю,— быстро ответила она.— В подарок за то, что я подпишусь на..?

Молодой человек, слегка смутившись, опустил руку.

— Ну так что? — спросила она, вскинув брови и склонив голову набок.— Я права?

Молодой человек снова засмеялся, на этот раз тише.

— Я вижу, мадам, вы усвоили, что в этом мире ничто не дается даром. Многие люди этого не понимают, но вы, мне кажется, умнее простого смертного! — С минуту он копался в памяти, собирая разбросанные там крохи правил торгового искусства, потом, несколько приободрившись, продолжал: — Нет, эта книга достанется вам не без денег, но тем не менее вы ее получите бесплатно — в том смысле, что вам она действительно не будет стоить ни гроша. За что вы будете платить, так это за трехлетнюю подписку на журнал «Домоводство». А цена точно такая же, какую запросил бы с вас местный торговец. Разница лишь в том, что, подписавшись у меня, вы еще получите и пятьсот испытанных рецептов, как накрыть стол к любому случаю, и множество других полезных советов. Как видите, книга достанется вам абсолютно бесплатно. Более того, мадам, вы можете взять ее просматреть и вернуть мне, если решите, что подписываться не стоит.

Он победно улыбнулся.

— Что может быть справедливей?

Миссис Грэннис слушала эту речь холодно, но последние его слова, видимо, произвели на нее впечатление, и она приоткрыла дверь и потянулась за книгой.

— Сколько я могу держать ее, прежде чем дать ответ?

— Пять дней, мадам.— Он, казалось, позабыл вдруг о своих профессиональных манерах — в голосе у него появились нотки доверительности.— По правде говоря, нам разрешено оставлять их всего на пять дней. Конечно, у кого своя машина, тому вернуться за книгой нетрудно. Но у меня машины нет. Вот я и еду в какой-нибудь пригород и провожу там весь день. Книгу, если этого хочет хозяйка дома, я ей оставляю, а в конце дня захожу и забираю. Понимаете, мы несем персональную ответственность за эти образцы, и если вы не

подписывается, то возвращаете и книгу. Такой порядок завела компания. Ведь каждый экземпляр стоит три доллара.

Дороти ступила назад и положила книгу на столик.

— Понятно,— сказала она.— Я подумаю.

В самих ее движениях было что-то такое, от чего молодой человек забеспокоился.

— Позвольте узнать, какое время вас больше всего устроит?

— Любое,— ответила она.— Я буду дома. Определенно.

Его лицо просветлело.

— Так, давайте тогда рассчитаем,— сказал он.— Сейчас нет и десяти, а вернусь я около трех. Как раз хватит, чтобы обойти всю округу, оформить вашу подписку и успеть на нью-йоркский поезд. Не подумайте, что я чересчур самоуверенный, но жалеть вам, мадам, если оставите себе эту книгу, не придется. Да еще целых три года будете получать «Домоводство».

Он закрыл портфель и сунул его под мышку. Внизу, где он поддерживал его потной ладонью, кожа потемнела. Его мучила жажда, но воды он попросить не решился. Какая-то она все же чудная. Книгу-то взяла, да не выкинула бы какой-нибудь номер, если попросить ее о таком пустяке. Чего доброго, еще обвинит его в наглости.

Не переставая улыбаться, он отошел от двери. Солнце, видимо, изрядно припекло ему голову, пока он стоял на крыльце.

— До свиданья, мадам,— произнес он.— Ждите меня к трем.

На ходу он обернулся и крикнул:

— Вы сегодня первая взяли книгу. Думаю, у меня будет удачный день.

Дороти закрыла дверь и прошла в гостиную. Яркий солнечный свет резал глаза, и она опустила шторы. От новой полированной кленовой мебели комната слабо лучилась. Дороти прилегла на кушетку и смежила веки, раздумывая, стоит ли одеться и пойти проведать конторских подружек. Вот бы рассказать им о доме, а то и пригласить взглянуть на него как-нибудь — рано еще, наверное, избавляться от них. Надо же с кем-то общаться, и уж если друзья Джо так себя ведут, особенно надеяться на них нечего. Полумрак комнаты успокоил ее, и она задремала.

Проснувшись она после двенадцати, голова была тяжелая. Она приготовила стакан очень сладкого чаю со льдом и сэндвич с сыром. Потом неторопливо оделась и направилась к центру местечка. Когда она вернулась домой, часы показывали почти три. Волосы ей помыли и завили, а лицо еще горело от жара сушилки. Вспомнив о молодом человеке, она с беспокойством оглядела лицо, но его пока не было видно. Поднявшись наверх, она сняла платье и снова накинула халат. Потом, осторожно скатав покрывало из тафты, она легла на кровать и закурила. На кухне зазвенел звонок, и, приподнявшись на локте, она тихонько выглянула из окна. Так и есть, стоит на ступеньках крыльца, пришел за своей книгой. Костюм весь измят, прислонился к дверной

притолоке, готовый при первом звуке шагов стать «весь внимание». Она опустила занавеску и снова легла, пуская дым и глядя в потолок. Звонok зазвенел снова, потом, через некоторое время, еще, уже смелее.

Она все лежала, прислушиваясь, но наконец встала и тихонько спустилась вниз. Взяв со столика книгу, вернулась назад. Через некоторое время она опять услышала шаги на дорожке и опять раздался звонok, на этот раз настойчивый. Сев на краю кровати, она взяла книгу и неторопливо и методично стала вырывать листы, бросая их на постель. Дойдя до последнего, она стала собирать их и рвать пополам. Обложка никак не поддавалась, она с трудом согнула ее и, собрав бумажные лоскутья, подошла к окну и распахнула его.

Молодой человек увидел ее, и выражение его лица сразу изменилось. Он заулыбался.

— Разбудил вас? — учтиво спросил он.

Дороти неловким движением отодвинула штору, и бумага медленно полетела на траву.

С минуту молодой человек отупело смотрел на разорванные листки. Не сказав ни единого слова, он наклонился и стал было собирать их, но, поняв, видимо, всю безнадежность этой затеи, выпрямился и устался на окно. Какое-то жуткое мгновение они смотрели друг другу в глаза, и, не выдержав, должно быть, ее взгляда, он повернулся и пошел прочь.

Дороти опустила штору, зажгла сигарету и опять улеглась, пуская дым и глядя в потолок.

Роберт ТУОХИ

НАВЕРХ, ГДЕ ВОЗДУХ ЧИСТ

Бен сел в такси. Эл, его дядя, втиснулся вслед за ним и бросил водителю:

— Брокфорд Тауэрс.

Они поехали к верхней части города.

— Волнуешься? — спросил Эл.

Бен нахмурился. Потом пожал плечами.

— Вроде бы. Немного.

— Оно и понятно. Ты едешь на встречу с большим человеком. Сегодня перед тобой открывается будущее.

Бен поглядел на дядю, на его дешевый коричневый костюм и потрескавшиеся туфли, на широкое отечное лицо в красных прожилках. От него слегка несло виски. В тот день дядя Эл не пил, но запах все-таки ощущался. Видимо, он уже вьелся в одежду.

Эл закивал головой.

— Ты весь в отца, Бен. Ты далеко пойдешь.

Бен в этом не сомневался. У него было такое же бледное лицо с тонкими чертами, такие же большие темные глаза, что на отцовской фотографии, висящей над камином в квартире Эла. Отец добился неплохого положения, и он тоже добьется. Сегодня было начало — ему предстояла встреча с мистером Костом, командиром дивизии, третьим или четвертым по влиянию человеком в Семье.

В прошлый понедельник мистер Кост присутствовал на собрании — был одним из старейшин, молчаливо сидевших в тени, глядя, как Бен и остальные четверо принимаемых один за другим подходили к длинному столу, приносили слова клятвы, держа в руке кинжал, и отпивали глоток вина, смешанного с кровью.

В тот вечер никто из старейшин не показывался и не говорил с новичками, но два дня спустя поступило распоряжение: дядя Эл должен привезти Бена на квартиру к мистеру Косту в Брокфорд Тауэрс.

— Это может означать только одно, — сказал дядя Эл. — Он выделил тебя из остальных. Ты начнешь свою карьеру в Семье не простым солдатом, а особым.

Года через два-три, если дела пойдут на лад, Бен начнет подниматься по лестнице. Через десять — пятнадцать лет — как знать? Если ты избран в особые, то, как далеко удастся продвинуться в Семье, зависит от тебя. Чего сможет добиться Бен при своей напористости за десять — пятнадцать лет?

Такси выехало из грязного центра, где жили Бен с дядей, и въехало в квартал возносящихся к небу жилых домов из стекла и камня. При виде зданий, четко видневшихся на фоне ясной синевы, у Бена возникло ощущение, что там, наверху, воздух другой. Чистый.

— Ну вот, — улыбнулся дядя Эл и потер руки, — мы на месте.

Когда они вышли, Бен сказал:

— Давай я расплачусь.

— Нет, нет, такси за мой счет. Сегодня большой день не только для тебя, но и для меня.

Бен подавил раздражение дядиной сентиментальностью. Эл был добр к нему. Двенадцать лет назад, когда отец был убит, дядя с женой взяли его к себе и всегда относились к нему будто к сыну.

В прошлом году, после смерти тети Розы, Эл сильно запил. Он сказал Бену: «Если бы не ты, не мои надежды на тебя, я бросился бы с моста. Для чего мне еще жить?»

Что ж, Бен будет подниматься все выше и выше и позаботится о дяде. У Эла появится приличная одежда, уютное жилье и хорошее виски вместо той гадости, которую он вливал в себя. Бен расплатится за все сполна. Старикан поживет несколько лет в свое удовольствие.

Мистер Кост жил на семнадцатом этаже. Там стояла тишина,

в окна лился солнечный свет, и, хотя музыки не было, Бену казалось, что здесь все напоминает спокойную музыку. В таком доме он оказался впервые. Воздух здесь был свежим и чистым.

Слуга в белой куртке открыл им дверь и отступил в сторону. На белой кушетке сидел толстяк с пухлым, холеным лицом, одетый в прекрасный голубой костюм, туго облегавший его бедра, напоминающие громадные окорока.

— Здравствуйте, мистер Кост,— сдавленно произнес Эл.

Толстяк воззрился на Бена. Бен чувствовал, как его буравит взгляд суровых блестящих глаз. Он отвечал взглядом и старался не выдать своего волнения ни мимикой, ни дрожью рук.

— Ты похож на своего отца,— мягко сказал толстяк.— Потому-то я и обратил на тебя внимание во время приема.

Бен слышал взволнованное, торопливое дыхание своего дяди. Они стояли будто школьники, ждущие, что мистер Кост либо отпустит их, либо пригласит сесть.

Мистер Кост держал в руке стакан с коктейлем и, потягивая напиток, глядел на Бена.

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

— Твой отец был тигром. Тебе это известно?

Бен покачал головой.

— Я не знал его. Он погиб, когда мне было семь лет.

— Он был тигром... В нем было слишком много от тигра и слишком мало от лисы. Будь он побольше лисой, он жил бы до сих пор. А так он покойник, его застрелил полицейский сержант, с которым ему не стоило связываться.

Пухлые розовые губы толстяка искривились.

— Быть просто тигром — этого мало.

Слуга кашлянул. Бен оглянулся и увидел поднос с маленькими бутербродами.

— Угощайтесь,— сказал мистер Кост.

Бен взял бутерброд. Его дядя сказал все так же сдавленно:

— Спасибо, не хочется.

Толстяк с улыбкой поглядел на поднос и, поставив стакан между колен, взял четыре бутерброда, по два в каждую руку.

— Налей джентльменам выпить, Гарри. Потом поставь бутылки на буфет и иди.

Он откинулся назад и стал есть бутерброды, глядя на Бена суровыми блестящими глазами. Съев два, он облизнул паштет с толстого белого пальца и сказал:

— Присаживайтесь.

Бен со стаканом в руке сел в кресло, стоявшее недалеко от кушетки. Эл пошел к двери, где стоял маленький прямой стул.

— Садись поближе, Эл,— сказал мистер Кост.— Чего ты такой робкий?

Лицо Эла залилось краской. Он что-то пробормотал.

— Ты ведь не тигр, а, Эл?

— Нет, мистер Кост.

— Да, ты не тигр. Поэтому ты простой солдат. Ты все еще член Семьи, не так ли?

— Конечно.

— Мы все члены Семьи. Вышло так, что я стал командиром, а ты остался простым солдатом. Что ж, такова жизнь. Далеко ты не пошел, но ты выполнял свою работу, и я почитаю тебя.

Эл взглянул на толстяка, лицо его раздумянилось, глаза заблестели.

— Я почитаю тебя за долгую и верную службу. Говорят, ты последнее время зачастил в бары, но я знаю, что твоя жена скончалась. Конечно, этот год был для тебя тяжелым. Садись сюда, в кресло, поближе к племяннику.

Эл подошел и сел. Он бросил взгляд на стакан в своей руке, потом глубоко вздохнул и сделал два больших глотка. Румянец сошел с его лица, но глаза по-прежнему блестили.

Толстяк повернулся к Бену.

— Я лично избрал тебя. Но это просто догадка, интуиция. Может, ты станешь командиром, может быть, нет... Обычно тех, кто избран в особые, мы подвергаем испытанию. Те, кто проходит его, поднимаются выше. Те, кто не проходит, остаются в рядовых.

Бен глубоко вдохнул свежий, чистый воздух квартиры. Он пройдет любое испытание.

— Командир должен научиться выполнять приказы, не задавая вопросов. Даже если ему непонятна цель приказа. Он должен верить, что любой приказ, отданный вышестоящим, служит благу Семьи.

— Это я понимаю.

— Бен выполнит любой ваш приказ,— сказал Эл.

Голос его звучал очень воодушевленно. Бен встревожился за дядю — волнуясь, Эл слишком быстро допил свой стакан, и у него развязался язык. Мистер Кост спокойно сидел, глядя на него, его холеное пухлое лицо ничего не выражало.

— В нем есть то, о чем вы говорите,— сказал Эл.— Он тигр. Он победитель. Я неудачник, но я могу распознать победителя.

— Будет тебе, Эл,— пробормотал Бен.

— Ничего,— сказал мистер Кост.— Продолжай, Эл. Мне любопытно знать твое мнение.

— Бен — победитель.— Эл с горячностью закивал головой.— Он далеко пойдет в Семье.

Мистер Кост пожал плечами.

— Возможно. Сперва ему нужно пройти испытание.

— Какое угодно. Он справится с любым.

Бен поймал взгляд дяди, нахмурился и слегка покачал головой. Эл расширил глаза, потом провел рукой по губам. Казалось, он немного сжался в своем кресле.

— Говори, говори, Эл,— мягко сказал мистер Кост.— Здесь не общественный бар. Здесь ты никому не выболтаешь маленьких секретов.

— Секретов?

— Мне нравится, что ты говоришь за своего племянника. Ты никогда не говорил за себя.

— У него есть то, что нужно. У меня этого не было... А что там насчет секретов? Я в жизни не выболтал ни одного.

Толстяк улыбнулся.

— Не волнуйся. Это просто замечание.

Он посмотрел на свой стакан, потом поднял взгляд на Бена.

— О чем мы говорили?

— Вы говорили о приказах. О выполнении приказов.

— Да. Это одно из самых важных качеств для того, кто хочет быть командиром. Может быть, самое важное. Если человек не может выполнять приказы, он не может отдавать их.

Бен кивнул.

— А это не всегда легко... Ну вот, к примеру, такая ситуация. Представь, что кто-то из руководства Семьи, допустим, я, говорю тебе, что возникло некое осложнение, что для Семьи, возможно, существует опасность. Займись этим осложнением — не бах-бах, понимаешь, а тихо, без шума... Ответишь ли ты: «Мне это не по душе, но приказ есть приказ, и я должен повиноваться»? Сможешь ли ты так ответить?

Он поднес ко рту стакан, не сводя с Бена глаз.

— Ты должен ответить так. Ты должен сознавать, что любой приказ старшего должен быть выполнен.

Несколько секунд спустя мистер Кост спросил:

— Тебе ясно, не так ли?

— Ясно,— нехотя ответил Бен.

— Хорошо.— Мистер Кост чуть улыбнулся, не сводя с него глаз.

— Что значит «без шума»? — спросил Бен.

— Это должно походить на несчастный случай, например, падение с лестницы или на рельсы метро... понимаешь, как может случиться с человеком, который часто бывает в подпитии.

Бен уставился на мистера Коста, на его легкую кривую улыбку. Потом обернулся к дяде. Эл, хмурясь, пытался следить за разговором, рот его был сжат, взгляд серьезен.

— Я не слышал никакого приказа, так ведь? — сказал Бен.

Мистер Кост пожал плечами.

— Если ты лиса, ты поймешь. Если нет, это не имеет значения.

— Я не понимаю.
— Что ж, тогда забудь об этом. Выпей еще и забудь. Этим займется кто-нибудь другой.

— Чем?

— Мне незачем объяснять. Если в тебе есть что-то от лисы.

— Я не знаю, что во мне есть. Может быть, ничего.

— Может быть, и нет. Это мы и хотим выяснить.

— Зачем? — спросил Бен. — Для чего это нужно?

— Потому что мы тут видим опасность. — Голос мистера Коста внезапно похолодел. — Ты что, вздумал задавать мне вопросы?

— В чем дело? — спросил Эл. — Что тут происходит?

— Это же испытание, так ведь? — спросил Бен. — Но почему такое? Почему оно должно быть таким?

— Оно должно быть таким, как скажу я... Возможно, тебя ждет большое будущее. Мне надо знать, из чего ты сделан.

— Нет. — Бен потряс головой. — За это я не возьмусь.

— Тогда оставим. — Голос мистера Коста снова стал мягким. — Тебя никто не принуждает. Забудь. Перед уходом выпей еще.

— Бен. — Эл подался к нему и коснулся его руки. — Что это с тобой? Слушай мистера Коста.

— Замолчи, — сказал Бен.

— Не обращайтесь внимания, мистер Кост, — сказал Эл. — Бен смущен, немного взволнован и не совсем в себе. Он согласен на все, что вы скажете.

Толстяк пожал плечами.

— Это его дело. Если он не способен выполнить приказ, его выполнит кто-нибудь другой.

Бен встал. Что-то сжало его грудь так, что стало трудно дышать. Хриплым голосом он сказал дяде:

— Замолчи. Ты не понимаешь, о чем идет речь.

— А зачем мне понимать? Я не лиса, просто солдат. Я только знаю, что он предлагает тебе испытание. И ответь ему, что ты все исполнишь.

— Хватит. Пошли отсюда.

— Что происходит? — Эл развел руками. — Я не понимаю, что тут делается... Я поговорю с ним, мистер Кост. Он вернется и все объяснит.

— Здесь нечего объяснять. Все будет выполнено.

Бен устоял на толстяка.

— Вы так думаете?

— Догадка, интуиция... Мне кажется, что ты весь в отца.

Бен молча смотрел на него.

Через несколько секунд мистер Кост опустил глаза.

— Подойди сюда, Эл. — Он сунул руку в карман. — Я хочу дать тебе кое-что... Вот пятьдесят долларов. Сходи в хороший ресторан, хорошо поешь, возьми бутылку хорошего вина. Раз в жизни... постой, вот еще двадцать. Купи себе пару хороших туфель. Сделаешь ты это для меня?

Эл глядел на него, разинув рот. Деньги он зажал в кулаке.

— Я хочу таким образом почтить тебя. И вот что еще... Дай мне руку...

Толстяк взял обеими руками руку Эла и поднес к губам.

— Ну что вы, — сказал Эл сдавленным голосом.

— Я почтил тебя, Эл.

Эл стоял неподвижно, лицо его кривилось.

Бен взял его за руку.

— Пошли.

Его дядя повернулся к двери, осторожно потирая большим пальцем то место, которого коснулись губы мистера Коста.

Мистер Кост сидел, глядя им вслед невыразительными, блестящими глазами.

В лифте Эл все еще потирал руку.

— Почему он так поступил? Почему?

— Сумасшедший он, вот почему.

— Бен, что с тобой? — Дядя схватил его за пиджак. — Ты хочешь подвести меня? Хочешь упустить свой шанс?

Бен прислонился к обитой кожей стенке кабины и закрыл глаза.

— Не знаю, что там произошло, — сказал его дядя, — но чтобы это ни было... подумай, что это означает! Ты должен подумать...

Не открывая глаз, Бен спросил:

— Воздух там тебе понравился?

— Воздух? Конечно, воздух прекрасный. Я хочу сказать, что и у тебя может быть такая же квартира, с кондиционером...

— Когда опускаешься вниз, воздух портится. Ты заметил, как он портится?

— Воздух? Не знаю я ничего про воздух. Ты им дышишь, он тебе необходим... О чем это ты, Бен?

— Я ненавижу грязный воздух внизу, — сказал Бен, когда дверца автоматически открылась на первом этаже. — Мне кажется, я не смогу жить в таком воздухе.

Они стояли, поджидая такси.

— Бен... — сказал Эл.

— Ничего. Не беспокойся.

— Ты все исполнишь, не так ли?

— Конечно. — Голос Бена звучал громко. — И знаешь что? Мы сделаем так, как он сказал. Сегодня вечером устроим себе праздник. Пойдем в тот шикарный ресторан, посидим на славу. И знаешь, что еще? Когда мы встанем из-за стола, я поцелую тебе руку.

Его дядя не улынулся. Он почти благоговейно потер руку там, где ее поцеловал мистер Кост, и серьезным тоном сказал:

— По-моему, тут не над чем шутить. Это был торжественный миг. Он это всерьез.

— Конечно, всерьез. Ты старый солдат, а тигры почитают своих старых служак. Мы почитаем их единственным известным нам способом.

Бен посмеивался. Но в такси он стал плакать. Он поглядел на потрескавшиеся туфли дяди, на старый дешевый костюм, и когда дядя недоуменно уставился на него, Бен закрыл лицо руками и разрыдался.

Альберто МОРАВИА

БОЛЬ

Лоренцо оставил машину и повернулся к молодому человеку:

— Ну так как же, поднимешься или подождешь меня здесь?

Тот надменно пожал плечами.

— Подняться к ним? Лучше сдохнуть.

Какое-то мгновение Лоренцо молча смотрел на своего подопечного. Смазливое лицо рано развращенного человека, очень смуглое, с черными, влажными, как у женщины, глазами, небольшим чувственным носом, пухлыми, лоснящимися губами. Глядя на это лицо, Лоренцо не только испытывал отвращение, но и недоумевал: и как только его родители ничего не замечали? Такая физиономия говорила сама за себя. Лоренцо был раздражен.

— Послушай, Лионелло, — сказал он. — Если ты намерен вести себя подобным образом, то лучше было ко мне вовсе не обращаться.

— Но, синьор адвокат, как, по-вашему, я должен себя вести?

— Ты хоть понимаешь, что можешь угодить за решетку?

Молодой человек промолчал. Он только удобнее устроился на сиденье автомобиля и теперь полулежал, откинув голову и прикрыв глаза.

— Можно по крайней мере поинтересоваться, почему ты это сделал? — настаивал Лоренцо.

Опять молчание и ленивый взгляд из-под опущенных длинных ресниц. Подопечный раздражал Лоренцо.

— Тогда какого черта ты пришел ко мне?

На сей раз Лионелло решил заговорить.

— Я пришел к вам, — медленно сказал он, и в его голосе Лоренцо услышал презрение, — потому что рассчитывал на понимание. Но раз вы задаете мне все эти вопросы, значит, я ошибся.

— Ошибся в чем?

— Что пришел к вам.

Лоренцо выскочил из машины и зло хлопнул дверцей.

— Хорошо. Оставайся здесь. Я поднимусь один.

Он было направился к подъезду, но вдруг заметил, что молодой человек сделал ему едва заметный знак рукой, при этом пребывая все в той же равнодушной позе.

— Что еще?

— Сигареты.

— Держи! — Лоренцо швырнул пачку в лицо Лионелло и вошел в вестибюль. Адвокат вызвал лифт и посмотрел в окно. Какая-то женщина подошла к его машине и, наклонившись, заговорила с Лионелло. Потом женщина повернулась и он узнал в ней сестру Лионелло Джильюлу. Если лицо и манеры брата (врожденные или благоприобретенные — кто знает?) делали его похожим на заурядного хулигана из пригорода, то и сестрица с ее вертлявой походкой, чрезмерно покачивающимися бедрами, плоским и низким лбом, огромными глазами и слишком широким ртом недалеко ушла. Лоренцо нарочно замешкался у лифта. Наконец Джильюла застучала своими каблукками по сверкающим мраморным плитам просторного вестибюля. На ней было легкое, casual, сделанное из носового платка платьице, которое едва прикрывало ее пышную грудь и бедра. Джильюла первая вошла в лифт и, не поздоровавшись, спросила:

— Что случилось с Лионелло? Почему он прячется в вашей машине и не идет домой?

Лоренцо подождал, пока закроется дверь, и сказал:

— У Лионелло неприятности.

— Влип в какую-нибудь историю, не так ли?

— Да, и притом основательно.

— И что же он сделал?

— Умная девочка. Скажи я тебе — и завтра узнает весь Рим.

— Ну и не надо. И так нетрудно догадаться. Я часто слышала, как Лионелло и его дружки говорили о том, что им давно пора встряхнуться, а то скука заела.

Она говорила с деланной серьезностью, будто цитировала по памяти домашнее задание в школе. Лоренцо не смог сдержать улыбку.

— Вот что, они именно так говорили?

— Да, и еще они говорили, что выкинут что-нибудь такое, о чем затрубят все газеты. Я тоже хотела пойти, но они меня не взяли, сказали, что это не женское дело.

Лифт остановился, и они вышли на лестничную клетку, которая, подобно вестибюлю, сверкала начищенным мрамором. Лоренцо повернулся к Джильюле и взял ее за руку.

— Запомни хорошенько, что я тебе скажу. Ты ведь любишь брата, да? Тогда не вздумай поделиться своими соображениями с кем-нибудь еще.

— Я буду молчать, только расскажите мне все, иначе...

Она не договорила. Лоренцо схватил ее за руки и встряхнул.

— Не валяй дурака. Ты должна держать язык за зубами, и баста.

Он с силой прижал ее к себе, и, как ни странно, она ничуть не обиделась, а лишь лукаво посмотрела и сказала тоном заправской больничной:

— Что за манеры! — И, как бы пытаясь освободиться, игриво прильнула к нему своим животом. Лоренцо тут же отпустил ее и быстро сказал:

— В общем-то Лионелло замешан меньше других. И, если ты будешь молчать, все может обойтись. Только не будь дурой.

— Ну и словечки у вас! И это наш семейный адвокат! — усмехнулась Джильола. В этот момент дверь открылась и камердинер в белом пиджаке пригласил их войти в переднюю.

— Чао, адвокат, — сказала Джильола и, повиливая бедрами, исчезла в темноте длинного коридора. Камердинер проводил Лоренцо в гостиную.

Мать Лионелло, Джулия, ходила взад-вперед по комнате с маленьким лысым человечком, который держал в руках метр. Проходя мимо Лоренцо, она быстро поздоровалась с ним за руку.

— Извините меня. Я должна решить с драпировщиком проблему летних чехлов для кресел. Подождите минутку.

Лоренцо еще сомневался, разумно ли будет с его стороны рассказать все Джулии раньше, чем главе семьи. Впрочем, он давно привык, что все вопросы решаются в основном именно ею. Адвокат уселся в кресло и стал ждать. Джулия была высокого роста, худая и плоскогрудая, и одевалась она всегда в черные и серые тона, с присущей очень богатым домохозяйкам однообразной элегантностью.

Наконец Джулия отпустила драпировщика, села напротив Лоренцо и завела обычный разговор о семье и о детях, которым она, по ее словам, отдавала всю себя без остатка и которые своим поведением в один прекрасный день вгонят ее в гроб. Она говорила очень быстро, обрывая себя на полуслове, тут же начинала следующую фразу, совсем как заядлый курильщик, который, не докурив сигареты, прикуривает очередную от непогашенного окурка. Казалось, она боится, что Лоренцо удастся найти брешь в ее словесной стене и сообщить ей что-либо заведомо неприятное. Несколько раз Лоренцо пытался вставить фразу, которая давно вертелась у него на кончике языка.

— Послушайте, Джулия, — начинал он, — коль скоро мы заговорили о ваших детях, то я должен сообщить вам, что Лионелло... — Но каждый раз его мысль захлебывалась в непрекращающемся потоке ее слов. Странно, думал Лоренцо, хотя она так и светилась благодушием человека, которому не в чем себя упрекнуть, его не оставляло ощущение, что за этой улыбкой и неистойвой болтовней скрывается, может быть, неосознанная, но очень глубокая душевная боль. Джулия сначала поведала адвокату все, что знала о летних чехлах на мебель,

от мебели она перешла к отдыху в горах и на взморье, от отдыха — к модному увлечению яхтами, которые она называла просто лодками, от лодок — к своим «крошкам» и вдруг затараторила о какой-то вечеринке для друзей, которую ее «крошки», Джилиола и Лионелло, устроили недавно на террасе, расположенной на крыше их дома.

Они даже придумали там что то вроде варьете, но нас с Федерико оставили, сказали, что это зрелище для несовершеннолетних. Остроумно, не правда ли?

Дверь открылась, и в гостиную вошел Федерико, муж Джулии. Он был высокого роста и атлетического телосложения; но с годами стал совершенно сутулым и двигался тяжело, как человек, который длительное время был прикован к постели. Правда, его голубые глаза и рот еще оставались молодыми, но если приглядеться, то и вокруг них уже собрались первые старческие морщинки. В отличие от Джулии, которая трещала без умолку, Федерико был замкнут, и разговор с ним сводился, как правило, к нескольким отрывочным фразам и покачиваниям головы, за которыми наблюдательный адвокат улавливал все ту же тщательно скрываемую душевную боль. Федерико подошел к Лоренцо и, демонстративно игнорируя болтовню супруги, тепло с ним поздоровался. Взглянув на своего приятеля, Лоренцо сразу понял, что глава семьи провел мучительную бессонную ночь и что теперь его и без того потрепанные нервы напряжены до предела. Федерико наклонился к адвокату и быстро сказал:

— Может быть, пройдем на террасу?

Терраса находилась на крыше дома и, по сути, была настоящим садом, за роскошной зеленью которого лежала панорама города. Здесь было жарко, и Федерико повел его в самый угол, где была короткая тень от высаженных в ящиках кустов и откуда открывался вид на Тибр и Монте Марио. При солнечном свете Федерико выглядел особенно усталым, шел он с трудом, как бы налегая грудью на горячий воздух. Как только они отошли от гостиной на достаточное расстояние, Лоренцо сказал:

— Послушай, я должен тебе кое-что сообщить.

Федерико смотрел вниз, туда, где на сером асфальтовом поле одиноко темнел жук-автомобиль Лоренцо. Повернувшись, он сказал:

— Поговорить со мной? Прости, но только не сегодня утром.

Лоренцо удивленно посмотрел на него:

— Почему нет?

Федерико скривился, как от неожиданной зубной боли, немного помедлил и ответил:

— Невозможно. Я сейчас не в себе. Знаешь, я ведь целую ночь не сомкнул глаз. Снотворное ни к черту не годится. Короче, я нездоров. — Он еще что-то добавил, и с каждым словом его лицо искажала гримаса боли. Похоже, ему действительно скверно, подумал Лоренцо, может, и вправду отложить.

— Учти только, что дело не терпит,— попробовал он еще раз.

Федерико снова посмотрел вниз, на машину, в которой дожидался результата его сын, и сказал:

— Неотложных дел нет. Все поначалу кажется очень срочным, а потом... Умоляю, приходи завтра, можешь даже утром, я постараюсь вздремнуть и прийти в себя, тогда поговорим спокойно.

— Как ты не понимаешь, это очень важно.

— Именно поэтому я не хочу ничего знать. Я не могу позволить себе заниматься серьезными делами в таком состоянии.

— Ты даже не хочешь узнать, что Лионелло...

— Пожалуйста, не настаивай.

Он положил руку на плечо Лоренцо и незаметно стал подталкивать его по направлению к гостиной. При этом он старался не смотреть адвокату в глаза. Лоренцо попробовал было задержать его еще немного и наконец сдался. Плевать, подумал он, и решил вообще ничего не сообщать ни Джулии, ни Федерико, которые, каждый по-своему, хотели только одного — ничего не знать. Конечно же, он сделает все, что можно, для Лионелло, а они узнают о судьбе своего сына уже из газет или не узнают вовсе. Он отклонил вежливое предложение Федерико позавтракать вместе, попрощался, пожал руку Джулии и вышел в переднюю.

Он уже уходил, когда из темноты коридора неожиданно вынырнула Джильола.

— Ну,— сказала она,— поговорили с предками?

— Нет, и, пожалуйста, ничего им не рассказывай.

— Никто и не собирался. Но теперь то вы убедились?

— В чем?

— Что я единственная в этом доме, кому можно хоть что-нибудь рассказать.

— Возможно, ты и права.

Лоренцо вошел в лифт, дверцы глухо шлепнулись друг о друга, и клеть медленно поползла вниз.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Габриэль Гарсиа Маркес. ЗА ЛЮБОВЬЮ НЕИЗБЕЖНОСТЬ СМЕРТИ. Перевел с испанского Р. Рыбкин . 3
2. Гордон Уоткинс. ДЕНЬ СВАДЬБЫ. Перевели с английского В. Постников и И. Золотарев 10
3. Джон Апдайк. АЛЛИГАТОРЫ. Перевел с английского Н. Колпаков 13
4. Джон Чивер. Я ЕДУ В АЗИЮ. Перевел с английского Д. Вознякевич 20
5. Ирвин Шоу. САНТА КЛАУС. Перевел с английского В. Постников 23
6. Бен Хект. ЧУДО ПЯТНАДЦАТИ УБИИЦ. Перевели с английского В. Постников и Н. Габолаев 28
7. Джон Смит. ПОНЕДЕЛЬНИК — ДЕНЬ ТЯЖЕЛЫЙ. Перевел с английского Н. Колпаков 43
8. Алан Маршалл. КАК ПОЯВИЛАСЬ ЛУНА. Перевел с английского В. Погостин 44
9. Салли Венсон. ПРОФЕССИЯ — ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА. Перевели с английского В. Постников и И. Золотарев 47
10. Роберт Туюхи. НАВЕРХ, ГДЕ ВОЗДУХ ЧИСТ. Перевел с английского Д. Вознякевич 52
11. Альберто Моравиа. БОЛЬ. Перевел с итальянского В. Погостин 59

РАССКАЗЫ ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Редактор Ю. С. Новиков

Технический редактор Т. Я. Ковыниченко

Сдано в набор 23.09.85. Подписано к печати 21.11.85. Формат 70×108^{1/32}.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80.
Учетно-изд. л. 4,15. Усл. кр.-отт. 2,98. Тираж 85 000 экз. Изд. № 2973.
Заказ № 1586. Цена 40 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Сотни тысяч человек постоянно занимаются оздоровительным бегом на стадионах, построенных и реконструированных с помощью доходов лотереи «Спортлото».

● Каждый участник этой популярной лотереи вносит вклад в развитие физкультуры и спорта, помогает спортивному строительству.

● Тиражи лотереи «Спортлото» проводятся по воскресеньям. Билет лотереи участвует в тираже двумя вариантами номеров. Он считается выигрышным, если с результатами тиража совпадут не менее трех номеров в одном из вариантов. Выигрыш — от трех до 10 000 рублей.

● Желаем вам, дорогие друзья, удач в игре, успехов в физкультуре и спорте.

**Главное управление спортивных
лотерей Спорткомитета СССР**